PG 3467
.K66 C5
1859
Copy 1

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

Class PGR-27U

Book

YUDIN COLLECTION

ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

ЮМОРО-САТИРИЧЕСКІЙ

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

А. К. ЗЛОВА.

I.

МОСКВА.
—
1860.

Kozlov, Alexeï Alexandrovich

ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

Chto éto takoe?

ЮМОРО-САТИРИЧЕСКІЙ

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

А. К. Злова.

Посвящается всѣмъ жолчнымъ особамъ.

МОСКВА.
Въ типографіи Каткова и К°.
1859.

PG3467
.K66C5
1859

Міръ такъ хорошъ! міръ такъ прекрасенъ!
Одно въ немъ плохо, — человѣкъ.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ Москва, іюля 10 дня 1859 года.

Цензоръ *Д. Наумовъ.*

ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

«Что это такое?» спрашивалъ у автора издатель, принимая изъ его рукъ рукопись сей, оной или этой (смотря по благоусмотрѣнію каждаго) книги, книжки, или пожалуй и книжицы.

«Что это такое?» спрашиваете вы, — какъ бишь книжные-то фарисеи васъ называютъ?.. Да! почтеннѣйшій читатель, — прочитавъ это: *Что это такое?* что называется, отъ переплета до переплета, или пожалуй еще и вовсе не читая

«Что это такое?» спросятъ всѣ жолчныя особы, которымъ посвящено мною это изданіе.

«Что это такое?» воскликнутъ журнальные Собакевичи, Плюшкины и Маниловы, окинувъ опытнымъ критическимъ взглядомъ заглавіе и послѣднюю страницу этого сборника.

«Что это такое?» спрашиваю наконецъ ужь и я, самъ авторъ этого калейдоскопа, у себя, и опершись локтями на столъ, а головою на руки, тщетно стараюсь удовлетворить отвѣтомъ и издателя, и васъ, почтеннѣйшій читатель и всѣхъ жолчныхъ особъ и журнальныхъ Собакевичей, Плюшкиныхъ и Маниловыхъ, и самого себя, А. К. Зловымъ на оберткѣ сей книжки подписавшагося.

Могу сказать только одно, что при составленіи ея я руководствовался во первыхъ: желаніемъ угодить по своимъ силамъ всей читающей публикѣ вообще и всѣмъ жолчнымъ особамъ въ особенности; а во вторыхъ . . . во вторыхъ . . . . . ну, да о второмъ-то, господа, вѣроятно вы и сами догадаетесь, а не догадаетесь, такъ растолкуетъ книгопродавецъ. Что же вышло изъ всего этого и что это такое? — я, по глубокомъ обсужденіи и соображеніи всего этого, отвѣчать ни вамъ, ни себѣ и никому не въ состояніи. — Подождемъ же, какъ рѣшатъ эту задачу гг. журнальные Собакевичи, Плюшкины и Маниловы, тѣмъ болѣе, что они, по всей вѣроятности, не упу-

стятъ случая поваріировать на такую удобную тему свои критическія фантазіи, и кто презрительными возгласами, кто крупною солью брани и всякой всячины, а кто и мертвецкимъ молчаніемъ натянувшагося самодостоинства разъяснятъ и мнѣ, и вамъ (а ужь вамъ-то въ особенности), почтенный читатель, — Что это такое.

Авторъ.

Людскія правила.

Кто хочетъ умникомъ прослыть, —
Тотъ долженъ всѣхъ и все бранить.
Желаетъ кто любимымъ быть, —
Тотъ долженъ деньгами сорить.
Кто бредитъ въ снахъ и наяву
Женитьбой, — поѣзжай въ Москву.
Чтобы журналъ имѣлъ успѣхъ, —
Такъ только ври и лай на всѣхъ.
Желаешь тьму враговъ нажить, —
Начни всѣмъ правду говорить.
Когда же хочешь быть смѣшнымъ, —
Въ бѣдѣ ступай къ друзьямъ, къ роднымъ.
А чтобъ попасть въ безумный домъ, —
Горячій споръ начни о томъ,
Что въ этихъ правилахъ людскихъ
Вранье, неправда каждый стихъ.

Петербургскіе совѣты.

Въ Петербургѣ можно жить,
Не умрешь голоднымъ,
Здѣсь васъ каждый радъ кормить
Завтракомъ холоднымъ.

Про Москву идетъ молва,
Будто-бъ хлѣбосольна, —
Кормитъ такъ, что живъ едва
И подъ ложкой больно.

Все же Питеру она
Не чета, — поспорю;
Хоть добра, да не умна,
Не поможетъ горю.

Накормить и напоить
До-сыта готова,
Но, чтобъ горю пособить, —
Больно безтолкова!

А ужь Питеръ, ой, ой, ой! —
Мастеръ на совѣты!
Вотъ ужь городъ дѣловой,
Аферистъ отпѣтый!

Такъ ужь вѣрно онъ скроенъ,
Что, куда ни ступишь,
Все приличье, тонкость, тонъ,
Лишь въ карманѣ кукишъ.

Но за то ума ужь въ немъ
Уголъ не початый!
Умъ здѣсь, просто, нипочемъ,
Здѣсь ума палаты!

Потому-то здѣшній людъ
На совѣтъ мотыга;
Здѣсь совѣты вамъ даютъ
Человѣкъ и книга.

Здѣсь участье и совѣтъ
Суютъ всѣмъ насильно;
И кому въ нихъ нужды нѣтъ,
Сыплютъ всѣмъ обильно.

Ну, а дѣломъ чтобъ помочь
Вздумай заикнуться,
Тутъ совѣтчики всѣ прочь
Живо разбѣгутся,

Иль дадутъ такой отвѣтъ:

«Средствъ у насъ помочь вамъ нѣтъ,
А дадимъ мы вамъ совѣтъ:
Время не теряйте
И въ Москву ступайте;

«Тамъ помогутъ вѣрно вамъ,
«Тамъ народъ прекрасный,
«Васъ оцѣнятъ, вѣрно, тамъ;
«Здѣсь же трудъ напрасный,

«Здѣсь самимъ намъ трудно жить,
«Такъ все вздорожало.....
«Мы придемъ васъ проводить
«На машину, въ зало.

Жизнь.

Что наша жизнь? — Свѣча.
Живемъ, пока живется;
Приходитъ смерть, — махнетъ косой съ плеча,
Огонь погасъ, — одно лишь сало остается.

Кринолинъ.

(Романсъ одного мужа на музыку: «Черный цвѣтъ.»)

Кринолинъ,
Кринолинъ,
Подкузьмилъ ты меня!
Почему жь
Я, какъ мужъ,
Зло смотрю на тебя? —
Потому, что порой,
Безъ твоихъ обручей,
Я могъ съ милой женой
Обниматься смѣлѣй,
И къ груди прижимать
И въ уста цѣловать.
Нынѣче жь ты
Всѣ мечты
Во мнѣ губишь собой.
Кринолинъ,
Кринолинъ,
Кто злодѣй — авторъ твой?..
Безъ тебя, какъ нѣжна
Моя Надя была!
А въ тебѣ, какъ княжна,

И капризна и зла.
Недотроги такой
Не встрѣчалъ родъ людской!
А все твой
Кругъ стальной
Такъ ее измѣнилъ.
Кринолинъ,
Кринолинъ,
Я-бъ тебя раздробилъ!...
Но вся злоба мужей
Кринолинъ не согнетъ;
Онъ все крѣпче, смѣлѣй,
Все растетъ, да растетъ, —
И къ концу всѣхъ затѣй—
Передушитъ мужей!
Кринолинъ,
Кринолинъ,
Ты сталъ мой властелинъ.
Но клянусь:
Иль убьюсь,
Иль убью кринолинъ!

Примѣты.

Много странностей на свѣтѣ,
Много въ немъ смѣшныхъ затѣй!..
Свѣтъ помѣшанъ на примѣтѣ;
И примѣты у людей
Есть одна другой глупѣй!
Напримѣръ, женихъ съ невѣстой
Предъ святой налой идутъ;
Тутъ примѣтамъ бы не мѣсто, —
А онѣ ужь тутъ какъ тутъ, —
Всѣмъ невольно въ мысль идутъ!
Кто на коврикъ первый встанетъ?
Чья свѣча скорѣй сгоритъ?...
Шаферъ прежде чей устанетъ?..
Первый кто заговоритъ?...
Даже смотрятъ, кто какъ спитъ!..
Соль просыплешь ли случайно, —
Значитъ: ссорѣ въ домѣ быть;
Три свѣчи знакъ погребальный; —
Если хочется пожить,
Всѣ спѣши скорѣй тушить.
За столомъ тринадцатъ — скверно!
Тоже кто-нибудь помретъ;
Мышь скребется — знайте вѣрно, —

Изъ квартиры вонъ сживетъ;
Выѣзжайте жь напередъ!...
Переносье почесалось —
Объ умершемъ говорить;
А ботинка развязалась, —
Женихи начнутъ корить,
И вамъ замужемъ не быть.
Лѣвый глазъ потерли, — радость;
Правый — плакать предстоитъ;
Губы — поцѣлуя сладость
Вамъ грядущее даритъ;
Носъ — быть пьянымъ вамъ сулитъ.
Свѣтъ помѣшанъ на примѣтѣ.
Всѣхъ примѣтъ не перечесть!
Но изъ нихъ, на бѣломъ свѣтѣ
Я одной отдамъ лишь честь:
«Веселъ — значитъ деньги есть!»

Женщинѣ-поэту.

Гдѣ та, которая съ ума сводила насъ
  Своихъ стиховъ волшебной простотою?
Увы! она совсѣмъ покинула Парнасъ
  И, — умѣстясь передъ плитою,
Хлопочетъ къ мужнину приходу надъ лапшою
  Да затираетъ квасъ!

Непризнанному поэту.

Ты не признанъ, хоть съ призваньемъ;
Но тебѣ-ль людей не знать?..
Не гонись за ихъ вниманьемъ, —
А задай себя имъ знать!

Взглядъ на пустую шутку не въ шутку.

Жизнь, — какъ посмотришь съ холоднымъ
вниманіемъ, —
Вовсе не шутка, — ей-ей!
На эту шутку глядишь съ содроганіемъ,
Вникнувъ поглубже въ людей!
Взятки, аферы, торги, надуванія,
Сплетни, обдѣлка друзей,
Вотъ ихъ земное занятье, призваніе,
Вотъ наслажденья людей!
Гдѣ же тутъ образъ, подобіе Божіе,
Съ коими мы созданы? ...
Это скорѣе черты очень схожія
Съ очеркомъ злымъ сатаны!..

Прутикъ.

(Повѣстушка.)

Ужь давненько это было, —
Любу я любилъ;
И она меня любила.
Какъ я счастливъ былъ!..
Клятвы, письма, увѣренья,
Пылкій жаръ въ крови, —
Было все!... Лишь разрѣшенья
Не было любви.
Мы любовь узнали оба
Только въ первый разъ,
И клялись любить до гроба
По сту разъ на часъ!
Я тогда лишь жилъ душевно,
Когда былъ у ней,
И была Любовь Андревна —
Свѣтъ моихъ очей!
Въ ней одной я только видѣлъ
Дряблой жизни цѣль;

И хоть грязь я ненавидѣлъ,
Но, поднявъ шинель,
Въ дождикъ, слякоть поясную,
Въ вихорь, въ бурю, въ шквалъ,
Изъ Разъѣзжей въ Колтовскую
Рысакомъ бѣжалъ;
Черезъ пень валилъ колоду,
Мокнулъ до костей;
Но для ней въ огонь и въ воду
Былъ готовъ ей-ей! —
Такъ сердечное стремленье
Стало велико;
Но мечты осуществленье
Было далеко!
Вдругъ .... (и нынѣче сердце бьется!)
Вдругъ, пронесся слухъ:
«Люба замужъ выдается!..»
То былъ страшный слухъ!...
Я, — какъ бы въ чаду угара, —
Слышу, что она
За армейскаго гусара
Замужъ отдана!...
Заварилась въ сердцѣ каша,
Я въ горячку впалъ!...
Разутѣшила Любаша!
Сшибла на повалъ!..
Въ адской мукѣ, стиснувъ зубы,

Я все дичь поролъ;
Безъ ума хоть былъ отъ Любы,
А съ ума сошелъ!..

—

Въ Петропавловской больницѣ
Долго я лежалъ,
И *Кольцо души дѣвицы*
Подъ носъ напѣвалъ.
Но на свѣтѣ все проходитъ,
Вѣчнаго здѣсь нѣтъ,
Въ вѣчность только гробъ приводитъ,
Въ гробъ же — лазаретъ.
Но, вѣдь, я лежалъ въ *больницѣ*.
Добрый докторъ *Грассъ*
Сжалился надъ пѣвчей птицей, —
Отъ могилы спасъ.
Вотъ, я *выписки* дождался,
Божій свѣтъ узрѣлъ;
Пѣлъ, плясалъ, шутилъ, смѣялся,
Съ аппетитомъ ѣлъ;
О Любашѣ, для блезиру,
Всплакивалъ порой.
Ее мужъ увезъ въ Каширу
Съ раннею весной.
Я письмо съ упрекомъ горькимъ
Милой настрочилъ
И въ объятьяхъ страстной Польки
Любушку забылъ!

Но письмо мое до цѣли
Какъ-то не дошло:
Его въ лифъ другой мамзели
Вѣтромъ занесло.
Та мамзель была подружкой
Любушки моей;
Прочитавъ его, *мальчужкой*
Полнаго страстей
И *новѣйшаго поэта*
Дерзко назвала;
Вмѣсто Любина отвѣта
Прутъ мнѣ подала!...

—

Затаилъ я гнѣвъ жестокій,
Сталъ къ ней въ домъ ходить,
Слушать сталъ отъ ней уроки,
Какъ должно любить.
Ученикъ я былъ прилежный,
Скроменъ, робокъ, тихъ,
Препонятливый, пренѣжный,
По лѣтамъ — женихъ;
Ну, — деньжонки разводились,
Усъ сталъ пробивать, —
Мальчикъ взросъ. Меня рѣшились
Мужемъ ужь назвать.
Я сначала такъ увлекся,

Въ грѣхъ другихъ вовлекъ...
Но какъ кой на чемъ ожегся, —
Ну-тка на утекъ!

—

Самъ дивлюсь, какъ подвигъ смѣлый
Этотъ я свершилъ!..
Но мальчишка дѣвѣ зрѣлой
Прутикъ возвратилъ.

Памяти Гоголя.

Было время и давно-ли? —
Мы носились въ облакахъ,
Идеально дичь пороли,
Жили въ грезахъ да въ мечтахъ!
Воспѣвали лѣсъ и горы,
Ручейки да пастушковъ,
Восхожденія Авроры,
Птичекъ, бяшекъ, мотыльковъ,
Звѣзды, рѣчки да сучечки,
Добродѣтель важныхъ лицъ,
Чувства женщинъ съ нѣжной точки,
Скромность ангеловъ-дѣвицъ,
Дружбу на смерть, страсть до гроба,
Долгу преданныхъ мужей,
Торжество ихъ, гибель злобы,
Мягкость сердца богачей!..
Да какой не врали чуши
Мы и въ прозѣ, и въ стихахъ?..
Вслухъ прочесть, такъ вянутъ уши,
Смѣхъ такой, что просто страхъ!
Вдругъ, въ храмъ музъ національныхъ
Гоголь съ плеткою предсталъ
И героевъ идеальныхъ

Всѣхъ по шеѣ вонъ погналъ.
Сталъ вводить живьемъ натуру,
Безъ корсета, безъ бѣлилъ;
Двинулъ въ ходъ каррикатуру,
Идеальность подкузьмилъ.
Сталъ людей писать людями,
Маску ангеловъ съ нихъ снялъ,
Живо *Мертвыми душами*
Людъ живой скопировалъ.
Натуральную онъ школу
Основалъ и утвердилъ,
И свободному глаголу
Путь широкій проложилъ.
Миръ тебѣ, поэтъ могучій,
Слова Руси чародѣй!
Ты упалъ, какъ громъ изъ тучи,
На безсовѣстныхъ людей;
Ты ихъ глупости, пороки,
Зло, насмѣшкой злой казнилъ!
Щекотливые уроки
Людъ надменный раскусилъ,
И воздвигъ, въ порывахъ гнѣва,
На тебя борзыхъ писакъ;
Полилися справа, слѣва,
Кучи брани, визгу, вракъ!
А обгрызки школы старой
Всѣ въ такой азартъ вошли,
Что съ одною дряхлой парой

Совладать едва могли!
Городская уже стража
Разливала ихъ водой.
Изъ четвертаго этажа
Радъ былъ кинуться иной,
Чтобъ хоть собственнымъ паденьемъ
Славу Гоголя разбить;
Но, при всемъ ихъ озлобленьи,
Гоголь жилъ и будетъ жить
Долго съ именемъ: *роднова.*
А они?... Ихъ нѣтъ слѣда! —
Только *Моською* Крылова
Ихъ вспомянутъ иногда.

—

Такъ свершилось то, что было
Рѣшено давно судьбой,
И надъ Гоголя могилой
Всталъ талантовъ свѣжихъ строй.
Этотъ строй мечты откинулъ,
Началъ *жизнь* живописать,
Маску съ зла отважно скинулъ,
Сталъ порокъ съ плеча карать.
Разъяснилъ, что въ человѣкѣ
Идеальность — чепуха!
Въ видѣ шутки и потѣхи
Сталъ противникомъ грѣха;
Разбудилъ въ заблудшихъ совѣсть,

Беззаконнымъ сталъ грозой,
И представилъ міру повѣсть
Обыденности людской;
Зло низвергъ до униженья,
Чувства въ людяхъ отыскалъ
И пороковъ ухищренья
Всѣмъ казать открыто сталъ.
Пусть шипитъ во мракѣ злоба,
Но добро свое беретъ;
Зло стоптъ предъ дверью гроба,
Правда жь съ каждымъ днемъ растетъ,
Подъ эгидою державной
Православнаго Царя, —
И надъ Русью православной
Блещетъ чудная заря!...

Современная пѣсенка инвалида.

Закурю я трубочку,
Чарочку налью,
Да про горе-горькое
Пѣсенку спою.
Горе не великое,
Что одна нога;
А вотъ горе тяжкое:
Водка дорога!

* *

Письма провинціала,

Калины Яковлевича Голоножкина

(изъ Петербурга въ городъ Жиганскъ, къ своей дражайшей половинѣ Маринѣ Патрикѣевнѣ):

письмо 1-е.

Здорово, другъ, Маринушка!
Какъ можешь? Какъ живешь?...
Забыла, чай, Калинушку?
Пустилася въ кутежъ?
Я слышалъ ужь сторонкою:
На старости годинъ
Одѣлась ты дѣвчонкою,
Въ бержерку, въ креалинъ,
Да стала шурымурничать
Съ племянникомъ Петромъ...
Чтобъ не пришлось амурничать
Съ знакомымъ чубукомъ!
Пріѣду, все разнюхаю,
И, право-ну, побью,
Когда найду съ прорухою
Хозяйку я свою.

—

Но кончу наставленіе,
Займусь теперь собой.
Въ квартирномъ заведеніи
Живу я на Сѣнной.
За нумеръ сорокъ рубликовъ
Вдовицѣ я плачу;
Сосѣдственная публика
Пришлась мнѣ по плечу.
Со многими сзнакомился,
Дѣлишки завязалъ;
Совсѣмъ обкомильфомился,
Столичнымъ франтомъ сталъ.

—

Теперь скажу о Питерѣ: —
Ну, Маря, вотъ такъ край!
На каждой домъ по литерѣ
Наклеено. — Смекай!
Фамилій надъ воротами
Почти ужь вовсе нѣтъ!
Надъ всѣми поворотами
Голубенькій билетъ:
Такая-то, молъ, улица
Здѣсь вновь проведена.....
Мнѣ кажется, и курица
Найдти свой домъ должна.
Такъ это все упрощено,
Уравнено въ чинахъ;

Все гладко, перемощено
И не рябитъ въ глазахъ.

—

Пути всѣ сообщенія
Чрезчуръ облегчены,
И таксы, отъ стѣсненія
Извощиковъ, даны.
Пролетки за двугривенный
Должны въ край свѣта везть!..
Отъ этого-то именно
На нихъ и трудно сѣсть.
Извощикъ здѣшній — бестія!
Его не проведешь.
Съ нимъ объяснися честію,
Куда его берешь.
Его нѣмымъ величіемъ
На таксу не поймать;
Онъ видитъ по обличію,
Что̀ хочешь предпринять.
Окинетъ взглядомъ критика,
Хлестнетъ коня кнутомъ, —
И вы съ своей политикой
Бредите пѣтушкомъ.
А если изловчитеся
Къ нему въ пролетки влѣзть, —
Все-жъ ѣхать откажитеся,
Коли по таксѣ везть.

«Я занятъ», будетъ вамъ отвѣтъ.
«Зашелъ сѣдокъ, молъ, въ домъ».
А вѣдь на нѣтъ суда-то нѣтъ, —
Опять вы непричемъ!

—

За то кареты невскія —
Отличная статья!
Съ *Петровскаго* подъ *Невское*
За гривну ѣду я, —
Съ приличною компанейкой;
Хотя, иной порой,
Вползетъ туда и пьяненькій
За гривенникъ родной;
Въ колѣни къ дамѣ ввалится,
Его начнутъ толкать, —
Онъ на полу развалится,
Какъ дома, отдыхать.
Но это все случайности,
А въ общемъ — прелесть путь! —
Двѣ самыхъ дальнихъ крайности
За гривенникъ махнуть!....

—

Но самое отличное
Здѣсь — невскій пароходъ!
На гульбища публичныя
Онъ каждый часъ идетъ.

Прекрасное суденышко
Съ желѣзною трубой;
Жаль, что тебя я, женушка,
Не взялъ сюда съ собой,
Тутъ ты бы напугалася,
Со страху-бъ обмерла,
Какъ по Невѣ-бъ помчалася,
Примѣрно, какъ стрѣла! —
Все изъ желѣза сдѣлано,
Въ срединѣ печь торчитъ,
Надъ ней котлы придѣланы,
А въ нихъ вода кипитъ.
И этимъ-то кипѣніемъ,
При помощи паровъ,
Идетъ передвиженіе
Чай тысячъ ста головъ
Отъ *Лѣтняго* къ *Крестовскому*,
Въ токъ *Минеральныхъ водъ*,
Отъ *Зимняго* къ *Петровскому*,
Гдѣ Излеръ вновь цвѣтетъ.
Ивана-то Иваныча
Въ Москвѣ знавала ты? —
Женѣ Петра Степаныча
Онъ все возилъ цвѣты;
Тогда еще трунили вы,
Что онъ къ ней подъѣзжалъ; —
Теперь, на берегахъ Невы
Извѣстность онъ стяжалъ.

Отъ горя, въ дни холерные,
Онъ публику лѣчилъ,
И праздники примѣрные
На славу мастерилъ!
Съ *водами Минеральными*
Свою фамилью слилъ;
Ихъ сдѣлалъ капитальными,
Себя же подкузьмилъ.
Теперь въ Петровскомъ *Любекѣ*
Изъ пепла возстаетъ,
И вѣрно снова въ публикѣ
Сочувствіе найдетъ.
Его заслуги прежнія
Ей грѣхъ бы позабыть;
Старанія прилежныя
Въ немъ надо поощрить.
Въ долгу онъ не останется,
Вновь распотѣшитъ всѣхъ
На *Любекскомъ* гуляньицѣ;
Дай Богъ ему успѣхъ!

—

Однако дай-ка справиться,
Часы что говорятъ? —
А!.. время ужь отправиться
Мнѣ на торги въ сенатъ.
Наддачи-то теперь идутъ

Такія на торгахъ,
Что земли, домы — все капутъ,
Все тонетъ въ откупахъ.
Въ торгахъ мы отличаемся, —
Какъ будемъ торговать? . . .
Да какъ-нибудь ужь справимся, —
Воды не покупать! . . .
Прощай, жена, всѣмъ кланяйся,
Пиши скорѣй отвѣтъ;
Съ племянникомъ не балуйся
На старости-то лѣтъ.
Поклоны шлю Дѣлежкинымъ;
И остаюсь за симъ
Калиной Голоножкинымъ
Сожителемъ твоимъ.—

ПИСЬМО 2-Е.

Любезная Маринушка!
Ты, чай, куда встревожена,
Что долго не писалъ? —
Поклонъ я черезъ Кожина
На дняхъ тебѣ послалъ;
На письма жь нѣтъ минуточки,
Въ дѣлахъ все утопалъ,
Со мной какую шуточку
Гречугинъ-то сыгралъ!
Его я управляющимъ

Отправилъ въ Крутогорскъ;
(Хоть онъ и *зашибающій*;
Но въ немъ кабацкій мозгъ.
А это въ дѣлѣ главное!)
Ну, слушай же теперь,
Какую пулю славную
Мнѣ отлилъ этотъ звѣрь.
Вдругъ пишетъ, что «несчастіе
«Случилося въ *дѣлахъ*»;
Въ такой, значитъ, напасти я,
Что и сказать-то страхъ!
«Въ подвалѣ очистительномъ
Былъ пущенъ на ночь чанъ;
Подвальный положительно
Былъ въ этотъ вечеръ пьянъ, —
И триста ведръ *улучшенной*
Изъ чана утекло!...»
Вотъ какъ со мной подшучено....
Все воры наголо! —
А что ты съ ними сдѣлаешь?
Коли подъ судъ отдашь,
Такъ самъ суда отвѣдаешь, —
Удѣлъ таковъ ужь нашъ.

—

Но о питейныхъ повѣстяхъ
Довольно толковать.
О питерскихъ я новостяхъ
Примусь теперь болтать.

Комета пребольшущая
Недавно здѣсь была,
И, говорятъ, тьму-тьмущую
Проказъ произвела.
Здѣсь, подъ ея вліяніемъ,
Аферы развились,
И разныя компаніи
Изъ праха родились.
Всѣ ищутъ улучшенія,
У всѣхъ въ умѣ прогрессъ;
Системы, измѣненія,
И разныхъ тьма чудесъ!
Журналовъ наплодилося,
Какъ подъ дождемъ грибовъ
Писателей явилося
Всѣхъ націй, всѣхъ сортовъ!
И пишутъ много дѣльнаго, —
Хотя не безъ грѣха; —
Въ числѣ труда недѣльнаго
Бываетъ чепуха.
За то, есть сочинители
На дѣло мастера!
Неправды, зла гонители,
Поборники добра.
На дняхъ читалъ я книжицу:
Бесѣда для солдатъ,
Въ ней отъ аза до ижицы
Солдатамъ просто кладъ.

Все сыплетъ прибауточки
Солдатскимъ языкомъ;
Межь тѣмъ, подъ видомъ шуточки,
Наполнена добромъ.
Такихъ бы книгъ поболѣе!
Въ нихъ польза для души,
Къ нимъ тянешься неволею,
Куда какъ хороши! —

—

Да!... Помнишь объ извощикахъ
Я прошлый разъ писалъ?...
Такихъ плутовъ въ *поднощикахъ*
Я даже не встрѣчалъ!
Теперь ихъ всѣхъ въ изгнаніе!
Довольно плутовать!
Составились компаніи, —
Хотятъ ихъ подорвать.
Теперь здѣсь станутъ публику
На акціяхъ катать;
Сотъ восемъ тысячъ рубликовъ
Хотятъ сперва собрать,
Пролетокъ понадѣлаютъ,
Колясокъ да каретъ,
Съ шампанскимъ пообѣдаютъ
(Вещь первая обѣдъ!);
На немъ обсудятъ главныя,
Основныя статьи....

Да, предпріятье славное,
Не знаю мысли чьи, —
А только утѣшительно,
Что съ таксы пяточекъ
Убавятъ положительно.
Прочь *водку*, прочь *чаекъ!*
Ну и пролетки крытыя
Гитарѣ не чета;
Притомъ лошадки сытыя,
Жывыя безъ кнута.
Все это такъ заманчиво,
Что вѣрить мудрено!
Но если не обманчиво,
То чудо какъ умно!
Да, Питеръ просвѣщается,
Шагаетъ все впередъ;
Преярко освѣщается
И претемно живетъ;
При средствахъ неблистательныхъ,
Шикаритъ свыше силъ;
Все въ немъ такъ увлекательно,
Все бъ такъ и проглотилъ!...
А между тѣмъ, престрашная
Дороговизна тутъ;
Здѣсь цѣны преужасныя
Купцы на все кладутъ. —
Я правду эту грустную
Примѣромъ докажу,

Коммерцію искусную
Мѣхами разскажу.
Такъ вотъ, къ тому примѣру, я
Задумалъ шубу шить,
И въ честь портныхъ не вѣруя,
Пошелъ самъ мѣхъ купить.
Но что же? — Весь гостиный дворъ
Кругомъ я обошелъ,
Мѣха всѣ съ *краской* на-подборъ!..
Въ магазины пошелъ.
Тамъ цѣны чуть не втрое ли
Противу цѣнъ Москвы,
Такъ дружно всѣ устроили,
Что ахнули бы вы, —
Хоть не ходи къ штукмейстеру...
Ужь *Петръ* на умъ навелъ,
Къ Симсону и Гагмейстеру
Меня въ магазинъ свелъ —
По Караванной улицѣ
Второй домъ отъ угла.
Взошли мы, я сталъ жмуриться!..
Все бронза, зеркала,
Шкапы подъ дубъ отличные
Съ рѣзьбою золотой.
На фокусы столичные
Трясу я головой,
Да самъ и не придумаю,
Куда, молъ, *Петръ* завелъ?...

Племянникъ вѣрно, думаю,
Съ ума совсѣмъ сошелъ.
Тутъ за шкафы узорные
Чай слупятъ деньгу съ насъ!...
А *Петръ* медвѣдя чернаго
Спросилъ ужь на показъ.
Медвѣдя намъ раскинули,
Гляжу,—медвѣдь сотъ въ пять;
На ростъ мой поприкинули,
А я себѣ опять
Промежь себя все думаю:
«Чай, тысячку махнетъ»—
И съ миною угрюмою
Ищу глазами входъ.
А *Петька* вдругъ и бухни мнѣ:
«Что жь, дядя, мѣхъ хорошъ?..
И очень недорогъ въ цѣнѣ,
Дешевле гдѣ жь найдешь?»
— Мѣхъ, говорю, мнѣ нравится,
Что стòитъ онъ? «Пятьсотъ»,
Хозяинъ откликается,
Я и разинулъ ротъ.
Цѣна, какъ есть, приличная,
Что жь это, сударь мой?...
А шуба-то отличная;
Купилъ, да маршъ домой!
Вотъ это добросовѣстно,
И дешевъ мѣхъ и милъ;

Петра, — мнѣ было бъ совѣстно,
Чтобъ я не угостилъ.
Къ *Борелю* мы отправились
Покупку обливать,
Да рубликовъ оставили-съ
Тамъ сорокъ, такъ сказать!

—

Но я распространяюся, —
Савелій почту ждетъ.
Прощай, я отправляюся
Сейчасъ на пароходъ.
Въ Кронштадтѣ дѣло нужное
Есть. Надо побывать;
Въ минуты же досужныя
Опять начну писать.
Поклоны шлю Дѣлежкинымъ
И остаюсь за симъ
Калиной Голоножкинымъ.
Сожителемъ твоимъ.

Любовь и месть.

Ночь. Луна на небосклонѣ;
Все какъ должно быть;
Я лечу къ моей Матренѣ
Время раздѣлить.

*

Отворяй окно скорѣе,
Мой надзвѣздный рай!
И въ объятьяхъ Еремѣя
Рай земной узнай.

*

Ждетъ лихачъ за воротами, —
Въ *Любекъ* полетимъ;
Тамъ дѣйствительность съ мечтами,
Милый другъ, сравнимъ.....

*

Мы изъ *Любека* вернулись
Съ Мотей на зорѣ,
И, представьте, съ кѣмъ столкнулись
На ея дворѣ?..

*

Мужъ ея, какъ быкъ черкасской,
Ждалъ насъ у воротъ....
Входимъ. Съ адской онъ гримаской
Тихо къ намъ идетъ.

*

Ей велитъ идти ложиться
Спать. Меня жъ беретъ
И въ конюшню — «освѣжиться»,
Говоритъ, — ведетъ.

*

Ну ужь это освѣженье
Вѣкъ мнѣ не забыть!
Вотъ ужь было *положенье!*...
Трудно изложить.

*

Только вспомню, дрожь по кожѣ
Такъ и пробѣжитъ....
Мотя въ гости къ этой рожѣ
Больше не манитъ! —

Бѣда отъ кринолиновъ.

Не въ насмѣшку, Mesdames — въ назиданіе
Легкомысленныхъ братьевъ моихъ,
Начинаю я здѣсь описаніе
Злой насмѣшки послѣдствій дурныхъ.
Былъ въ гостяхъ я вчера у пріятеля,
Разболтались о томъ, да о семъ:
О высокомъ призваньи писателя,
О стремленьи къ прогрессу людскомъ;
О дѣвицѣ Пастранѣ съ бородкою,
О «*попыткахъ послѣднихъ*» невѣстъ,
О невинной торговлишкѣ водкою,
О продажѣ доходистыхъ мѣстъ, —
Такъ болтаемъ. Вдругъ, дверь растворяется,
И пріятеля входитъ жена;
Вашъ слуга мужемъ ей представляется,
И садится она у окна.
Вдругъ, пришла же вѣдь мужу фантазія,
На смѣхъ женнинъ поднять кринолинъ.
Ну, скажу вамъ, въ подобномъ экстазѣ я
Не видалъ и горячихъ мущинъ!
Какъ на мужа мадамъ напустилася!
Какъ пушить-то его принялась!...
Даже пѣна на губкахъ явилася,

Просто, молніи сыплетъ изъ глазъ!
А потомъ, въ заключенье нотаціи,
Задомъ вдругъ обратилася къ намъ;
Тутъ стальныя ея циркуляціи
Какъ насъ хватятъ по жидкимъ ногамъ!..
Оба были мы такъ ошеломлены,
Что едва насъ въ себя привели.
Смотримъ — ноги у насъ переломлены!..
Вотъ насмѣшки къ чему довели!

—

Съ кринолиномъ, друзья не тягайтеся, —
Въ юпкѣ онъ Ринальдо-Ринальдинъ!
Какъ нибудь ужь къ нему притрафляйтеся;
А не то сгубитъ васъ кринолинъ!

Къ «Сыну».

Всѣхъ журналовъ болѣ
Сына я читалъ;
Тамъ *Баронъ* на волѣ
Чудно вздоръ болталъ.

*

Съ каждымъ днемъ смѣлѣе
Становился онъ;
Съ каждымъ днемъ все злѣе
Брилъ всѣхъ фельетонъ.

*

Но пришла година,—
Смолкъ навѣкъ *Баронъ*;
Сталъ *Емзе* для *Сына*
Стряпать фельетонъ.

*

Фельетонъ новѣйшій—
Тоже фельетонъ,
Но старьемъ пустѣйшимъ
Переполненъ онъ.

*

Каждый здѣзь разумно
Извлечетъ мысль ту,
Что мѣнять безумно
Умъ на пустоту.

Подражаніе Беранже.

Вчера моя по чердаку сосѣдка,
Невинная швея, — что рѣдкость, такъ сказать, —
Пришла ко мнѣ за жолтенькой жилеткой, —
Съ нея ей выкройку понадобилось снять.
Хотя я съ ней на лѣстницѣ встрѣчался,
Хотя, порой, ее милашкой называлъ;
Но навѣстить все какъ-то не рѣшался,
И только все объ ней по вечерамъ мечталъ.
И вдругъ, она въ моемъ покоѣ!
Я вѣрить не хочу!...
— Но что жь это такое?
Но что жь это такое?
Я, право, закричу!

*

Сосѣдкѣ я взглянулъ въ глаза такъ страстно
За ручку взялъ ее, — а ручка какъ атласъ!
И говорю: о, какъ же вы прекрасны!
Я просто безъ ума, безъ памяти отъ васъ!
Плутовка мнѣ хитро такъ улыбнулась
И ничего!.. а я — ей ручку крѣпко сжалъ;
Гляжу: она какъ-будто бы надулась,
Но, вотъ и поцѣлуй у ней я съ губъ сорвалъ.

О! какъ забилось ретивое!...
Обнять ее хочу....
—Но что жь это такое!...
Но что жь это такое!...
Я, право, закричу...

*

Но я горю, и нѣжное созданье
Въ объятьяхъ у меня, какъ голубокъ, дрожитъ,
Въ глазахъ упрекъ, и нѣга, и страданье....
А кровь во мнѣ, какъ кипятокъ, кипитъ!..
И чудный сонъ туманною завѣсой
Задернулъ томные красавицы глаза....
Языкъ ея лепечетъ: «прочь, повѣса!»
Со смоляныхъ рѣсницъ скатилася слеза...
И съ упоеньемъ, и съ тоскою
Я вмѣстѣ съ ней шепчу:
— Но, что жь это такое!...
Но что жь это такое!...
Я, право, закричу!...

Неудавшаяся афера.

(Разсказъ отставнаго уѣзднаго засѣдателя.)

Съ грустью гляжу я на прошлое! Вѣчно во всемъ неудачи
Въ жизни встрѣчалъ я; ужь видно бѣднягѣ такая судьбина.
Какъ ни стараюсь, куда ни суюся, вездѣ только горе!
Видно, меня во младенчествѣ сглазила старая баба.
Въ карты ли сяду играть, — въ одинъ мигъ передержку замѣтятъ;
Стану ходить по дѣламъ, — не клеятся дѣла да и полно.
Новымъ проектомъ займусь: отопленія печекъ водою, —
Смотришь: девятой верстою грозятъ петергофской дороги.
Просто куда ты ни сунься, — вездѣ съ неудачей столкнешься!

Что̀ за примѣромъ ходить далеко, — разскажу я вамъ случай,
Бывшій со мною на дняхъ. Собираясь, во что бы ни стало,
Средства поправить свои,—отыскалъ я старуху купчиху;
Къ кіевской вѣдьмѣ подъѣхалъ, какъ слѣдуетъ, съ страстной любовью;
Жить, молъ, безъ васъ не могу, ненаглядная Дарья Матвѣвна!...
Сталъ на колѣнки; въ рукахъ безъ курка пистолѣтъ да шпажонка, —
Жалкій обломокъ отъ службы давнишней въ полиціи земской.
Такъ, молъ, и такъ! выбирайте любое вы, Дарья Матвѣвна —
Или умретъ человѣкъ! иль вы будьте моею супругой.
Ну, и казалось, все дѣло поѣхало будто по маслу;
Дарья Матвѣвна моя испугалась при мысли ужасной
Сдѣлаться сына отечества смерти невинной причиной;
Главное жь, чортъ передъ смертью попуталъ сѣдую старуху
Нѣжностямъ глупымъ, смѣшнымъ и пустымъ аферіста повѣрить.

Только вѣдь надо жь случиться при этомъ оказіи скверной:
Въ самомъ пылу объясненья, здоровый и красный мущина
Въ комнату Дарьи Матвѣвны влетаетъ какъ-будто хозяинъ,
Двое пріятелей съ нимъ — торгашей изъ Апраксина рынка.
Дарья Матвѣвна, какъ заяцъ, при входѣ гостей улизнула
«Ты, говоритъ мнѣ мужланъ, — шпекулантъ, приготовься къ разсчету!
«Знаемъ на штуки какія ты вздумалъ, ярыга, пуститься:
«Рѣчью любовною старую дуру затѣялъ обначить!
«Только не солоно на этотъ разъ похлебаетъ пріятель;
«Феферомъ мы-те бока понагрѣемъ горячимъ, рассейскимъ;
«Кайся въ грѣхахъ, окаянный!... живой ужь отсюда не выйдешь!...»
Вижу я, дѣло-то дрянь!... Бухъ разбойникамъ въ ноги, да въ ноги.
— Смилуйтесь, ваши степенства!... Вашъ гнѣвъ превратите на милость,
Дайте пожить въ цвѣтѣ лѣтъ, согрѣшилъ я предъ вами невольно!...

«Ну, отвѣчаетъ мужланъ,—хорошо, что не вздумалъ ершиться,
«Много тогда бы ты реберъ въ бокахъ у себя не дощупалъ!...
«Кошка то, вѣрно, смѣкаетъ, чье мясо затѣяла слопать.
«Такъ ужь и быть, мы тревожить бока твои ныньче не станемъ,
«Только съ условіемъ: носъ подставляй-ко ты намъ на потѣху,
«Каждый по сотнѣ щелчковъ отсчитаетъ тебѣ, да и полно;—
«Можешь тогда подобру-поздорову плестись во свояси....»
Дѣлать то нечего! какъ ни вертѣлся ужь я передъ ними,
Надобно было рѣшиться. Я носъ имъ невольно подставилъ;
Много что въ четверть часа они такъ мнѣ его нащелкали,
Что онъ раздулся, подобно порядочной дынѣ—мелонѣ.
Съ тѣхъ поръ къ купецкимъ старухамъ и въ гости совсѣмъ не хожу я;
А ужь насчетъ чтобъ жениться,—во снѣ даже грезить боюся;—
Только подумаешь, носъ въ тужь минуту заломитъ, заноетъ....

Ну, согласитесь теперь, что судьба меня гонитъ жестоко;
Вѣрно, за материнъ грѣхъ наказуетъ меня Провидѣнье.

Бѣсъ ошибся въ разсчетѣ.

Сказка.

Жилъ на Украйнѣ мужикъ. Мужика того звали Пахомомъ.
Бѣдный хохолъ ужь давно не видалъ у себя ни полушки;
Если и живъ былъ, такъ только питаясь мірскимъ подаяньемъ...
Вотъ, разъ задумалъ Пахомъ запродать свою душу *лѣсному*;—
(Видите, вдругъ старику захотѣлось зажить побогаче.)
На перекрестокъ дорогъ онъ въ лѣсъ темный подъ вечеръ выходитъ,
Смѣло садится, чертей на свиданіе звать начинаетъ;—
Вдругъ, изъ сосны лѣсовикъ вылѣзаетъ въ нѣмецкомъ кафтанѣ;
То подойдетъ, то опять отъ Пахома далеко отскочитъ.
Бѣса лукавый Пахомъ ободряетъ такими словами:

«Что ты боишься меня, пане чорте,— иди ко мнѣ смѣло».

— Я подойду, но сперва сними то, у тебѣ что на шеѣ.—

Тутъ догадался Пахомъ, съ себя крестъ кипарисный снимаетъ

И на сосновомъ суку его вѣшаетъ, чорта поодаль.

— Ну, теперь здравствуй, земякъ!— И Пахому чортъ лапу подставилъ.

Хлопнулъ по лапѣ Пахомъ, да объ когти дружка укололся,

Но изъ политики на руку плюнулъ лишь, молча, въ сторонку

— Что тебѣ надобно, сватъ? чортъ Пахома спросилъ улыбаясь.

«Да ничего, пане чорте!» тотъ молвилъ, чеснувши за ухомъ.

— Ну такъ напрасно же я для тебя изъ-за моря явился. —

«Отъ таки ужь по напрасну!» промолвилъ Пахомъ ухмыляясь.

«Ну-тка нюхнемъ табаки, якъ учоные свитскіе люди.»

Лѣшему дядя Пахомъ подъ носъ съ зельемъ тавлинку подноситъ.

Дружно нюхнули друзья и пустились опять въ тары-бары;

Вотъ, наконецъ, сватъ Пахомъ и о деньгахъ дружку намекаетъ,
Только ужь проситъ взаймы (вишь, раздумалъ продать свою душу).
— Дамъ и взаймы, молвилъ бѣсъ, — только слушай, Пахомъ, съ уговоромъ:
Если чрезъ годъ не отдашь, то душа твоя будетъ за мною.
(Думаетъ бѣсъ, что Пахомъ, взявши деньги, ихъ всѣ промытаритъ;
А какъ придется платить, то какъ разъ попадетъ въ его лапы.)
Долго не думалъ Пахомъ, по рукамъ съ сатаною ударилъ,
Прогналъ его за казною, а самъ — поскорѣе къ сосѣдкѣ:
Выпросилъ заступъ у ней, да большую, худую корчагу,
Вышибъ въ ней дно и опять въ лѣсъ, на старое мѣсто, пустился;
Вырылъ тамъ ямку въ землѣ и надъ нею корчагу поставилъ.
Только усѣлся Пахомъ, какъ и съ деньгами лѣшій явился,
Всыпалъ въ корчагу мѣшокъ, а червонцы чуть дно покрываютъ!
Отъ удивленія дьяволъ едва устоялъ на копытахъ,

Снова отправился въ путь и мѣшокъ притащилъ пополнѣе;
Вровень съ краями насыпалъ и знакъ на корчагѣ поставилъ,
Чтобы другой подмѣнить ее было не можно Пахому.
Вновь разошлися друзья, черезъ годъ здѣсь назначивъ Свиданье.

—

Зажилъ бѣдняга Пахомъ не въ избѣ, а въ высокихъ хоромахъ.
Яства медовы,—а спитъ на лебяжьяго пуху постелѣ;
Парится два разъ въ недѣлю, въ широкой, причудливой банѣ;
Бархатный синій кафтанъ по краямъ позументомъ обложенъ;
Шапка бобровая,—поясъ не здѣшній,—персидскій, червонный.
Ходитъ-гуляетъ Пахомъ, а назначенный срокъ на исходѣ.
Вотъ наступилъ страшный день: платежа чортъ въ лѣсу ожидаетъ,
Съ радости лапами третъ, «то-то, думаетъ, будетъ пожива!
«Вѣрно всѣ деньги Пахомъ до послѣдней полушки истратилъ.»

Видитъ однако лукавый: Пахомъ къ нему шагомъ плетется,
Что-то тащитъ подъ полой. — Да ужь вѣрно пустую корчагу!....
Нѣтъ онъ къ ней дно прикрѣпилъ и, насыпавши вровень съ краями
Деньгами, бѣсу ее подаетъ, а самъ къ дому скорѣе!
Думаетъ: «какъ бы еще не затѣялъ рѣчей о процентахъ!»
Долго въ раздумьѣ стоялъ надъ Пахомовой платой лукавый, —
«Какъ это — думаетъ онъ, — не истратилъ червонцевъ крестьянинъ? —
«Вѣрно, пускалъ въ оборотъ по торговлѣ невинною водкой?...»
Кочетъ проснувшійся вдругъ на селѣ затянулъ: кукареку!
Нехотя лѣшій кредиторъ убрался, надутый Пахомомъ,
Въ тартарары, — гдѣ усѣлся со злости кусать свои когти.

Надули.

Жилъ въ столицѣ я безъ мѣста,
Только слава, что баронъ!
Вотъ, мнѣ сватаютъ невѣсту;
За невѣстой милліонъ!... (*)
Я упалъ къ ногамъ прелестной,
Говорю: «По гробъ я твой!...»
Ну и все пошло чудесно, —
Стала Мотя мнѣ женой.
Вдругъ, въ день свадьбы, *посаженый*,
Поздравляя съ бракомъ насъ,
Говоритъ: «простись съ Матреной,
«Ты поѣдешь на Кавказъ.
«Тамъ тебѣ готово мѣсто;
«Будь старателенъ, служи,
«И что любишь ты *невѣсту*, —
«Вѣрной службой докажи.
«Лѣтъ десятокъ какъ протрешься,
«И дослужишься чиновъ,
«Ну, тогда къ женѣ вернешься
«Для супружескихъ оковъ.

(*) Ассигнаціями, разумѣется.

«Вотъ прогоны, отправляйся
«По маршруту, черезъ часъ;
«Да смотри: *не развлекайся!*
«А не то узнаешь *насъ!...*»
— Ну, а деньги? — «Вишь ты лакомъ!
«Самъ служи да наживай;
«Не шути съ законнымъ бракомъ,
«О потомствѣ помышляй.»
Удостоилъ мнѣ пожатьемъ
Руку. — Я благодарю,
Ну а мысленно съ проклятьемъ,—
«Ахъ ты шельма!» говорю!

Откупщикъ.

Когда я бѣденъ былъ, — я ловко подливалъ
Водицу честному народу
Въ водку.

Когда жь разбогатѣлъ, тогда отъ скуки сталъ
Вливать себѣ клико, какъ воду,
Въ глотку.

И устрицъ началъ ѣсть, и страсбургскій пирогъ,
И докторовъ сталъ звать для излеченья
Гриппа.

А все же, какъ сказать по правдѣ,—видитъ Богъ—
Я прежній по душѣ все, безъ сомнѣнья,
Сипа!

Бабушкина толковня.

Внучка.

«Бабушка, голубка, растолкуй, родная,
Что со мною сталось, — не пойму сама я:
Сердце словно камнемъ грудь мнѣ завалило,
Все мнѣ надоѣло, стало все немило;
Божій день такъ дологъ, ночь не сплю до свѣту,—
И ни днемъ, ни ночью мочушки мнѣ нѣту!
Хороводъ противенъ, пѣсни пѣть не въ силахъ;
Кровь то раскипится, то застынетъ въ жилахъ;
Словно предъ бѣдою, ноетъ ретивое.....
Растолкуй, родная, что это такое?»

Бабушка.

— Дитятко, голубка, внучка дорогая,
Болѣсть твою эту знала и сама я.
Слушай: коли камнемъ сердце завалило, —
Это значитъ: дѣвка парня полюбила,
Коли все не мило, все понадоѣло,
Значитъ: дѣвка парня видѣть захотѣла;
Божій день сталъ дологъ, ноченьку не спится,

Значитъ: парень дѣвкѣ на яву все снится.
Хороводъ противенъ, пѣсни не поются,
Знать, въ томъ хороводѣ съ парнемъ не столкнуться;
Ноетъ ретивое, словно предъ бѣдою,
Значитъ: скоро съ парнемъ поведутъ къ налою;
А что кровь то стынетъ, то раскипятится, —
Это послѣ свадьбы, внучка, объяснится.

Кукушка.

Басня.

Изъ-за моря кукушка въ темный лѣсъ
Къ своимъ подругамъ прилетѣла;
Поцѣловалася, на вѣточку присѣла
И множество неслыханныхъ чудесъ
Объ Англіи запѣла.
Сидитъ, разинувъ ротъ, кукушечій весь родъ
И слушаетъ о чемъ кума ихъ рѣчь ведетъ;
Дивятся, ахаютъ, зѣваютъ, —
Хоть многія куму совсѣмъ не понимаютъ.
А кумушка поетъ: «что Англія за край!
«Какъ всѣ привѣтливы! Тамъ просто Божій рай!
«А люди какъ умны! чего чего не знаютъ!
«Тамъ зерна хлѣбныя на вѣтеръ не кидаютъ,—
«А хлѣбныя поля костями засѣваютъ.
«Да это что еще! Тамъ...» — Кумушка, постой!—
Кукушку перервавъ, грачъ вымолвилъ сѣдой:
— Такъ гдѣ же для себя ты пищу доставала,
Когда въ поляхъ однѣ лишь косточки видала? —
«Помилуй! Да зачѣмъ я въ Англію летала?

«Неужли для того, чтобъ хлѣбъ тамъ промышлять?...
«Нѣтъ, путешествовать меня послала мать;
«Кукушка-жь Русская за всякою границей
«Найдетъ и кровъ и столъ. — Ее зовутъ жаръ-птицей, —
«Чуть-чуть лишь на рукахъ не носятъ тамъ ее!..»

—

Въ чужихъ краяхъ всѣмъ Русакамъ житье!
Они не наживать туда, вѣдь, пріѣзжаютъ,
А иностранцамъ же карманы набиваютъ.

Сѣроватая мелодія.

Я вчера въ веселомъ духѣ
Шелъ по Невскому проспекту;
Пледъ шикарный свой накинулъ
Какъ рогожу, для эффекту.

*

Предо мною шла дѣвица —
Сзаду просто вотъ ребенокъ!
Платье на четверть-аршина
Открывало часть ноженокъ.

*

Что за ножки!... крохотушки!...
Въ понталончикахъ съ ажуромъ.
Что за талія!... Невольно
Я сравнилъ ее съ Амуромъ,

*

Лѣтъ четырнадцать — не больше —
Можно дать ей было сзади;
« Обгоню я эту цыпку,
Вѣрно буду не въ накладѣ! »

*

Вотъ я шагу по прибавилъ,
Забѣжалъ, взглянулъ подъ шлянку...
И представьте — что жь увидѣлъ? —
Просто скомканную тряпку!

*

Вся въ морщинахъ и рябая,
Лѣтъ по крайней мѣрѣ сорокъ,
А на лифѣ плоскомъ платья
Куча сборокъ, сборокъ, сборокъ!...

*

Волоса съ природной пудрой,
И дрожитъ уже головка....
Съ языка тутъ сорвалося:
« Ахъ ты, старая чертовка!... »

Современная пѣсня

про современныхъ букашекъ.

(Подражаніе Д. В. Давыдову.)

Наступилъ прогресса вѣкъ,
Мирный, хлопотливый;
Началъ мыслить человѣкъ
Вслухъ и не пугливо.

*

Вѣкъ чиновныхъ сна прошелъ,
Въ ходъ пошли и шашки,
Корень истины разцвѣлъ,
Росползлись букашки.

*

Только взяточникъ старикъ,
Жалобъ запѣвало,
И донынѣ не постигъ
Добраго начала. —

*

Онъ — прогресса супостатъ,
Враль высокопарный, —
За былое въ драку радъ
Вѣчный титулярный!

*

Сводъ законовъ по статьямъ
Наизусть читаетъ,
И ихъ къ кляузнымъ крючкамъ
Ловко приправляетъ!

*

На Ѳемидиныхъ вѣсахъ
Правду криво вѣситъ;
Надъ закономъ, просто страхъ,
Какъ онъ куралеситъ.

*

Передъ высшимъ онъ дрожитъ,
Чувствуетъ смятенье,
А на низшаго глядитъ
Съ злобой и презрѣньемъ.

*

Что жъ? Быть можетъ, сознаетъ
Онъ свои заслуги? —
Даже службѣ отдаетъ
Всѣ свои досуги?

*

Службѣ пользы въ немъ на грошъ
Нѣтъ, — вреда же много;
Но съ женой его хорошъ
Предсѣдатель строгій.

*

Что жь? Быть можетъ, въ этомъ онъ
Чистъ и непороченъ,
И — кокеткой ослѣпленъ,
Высшимъ обмороченъ?

*

Кто морочитъ тутъ кого? —
Трудная задача!
Только все же у него
Домикъ есть и дача.

*

Что жь? Пускай онъ и таковъ
По мыслямъ, по лѣтамъ;
Но ужъ вѣрно орденовъ
Не беретъ за это?

*

Нѣтъ, подобной простоты
Не достигъ онъ въ дружбѣ,
И теперь беретъ кресты
Будто бы по службѣ.

*

Покажу теперь вамъ я
Быть его квартиры:
Собрались къ нему друзья,
Тоже вицмундиры, —

*

Одного покроя съ нимъ;
Съ ними жены, дѣти,
Откупщикъ тутъ тоже Климъ
Съ бочкою въ корсетѣ.

*

Всѣ поклонники старья,
Ветоши защита;
Скупщикъ моднаго тряпья,
Елкинъ — сплетней сито.

*

И поджарая N. N.
Старая дѣвица;
Въ сорокъ лѣтъ: «мамзель Hélène»,
Въ лицахъ небылица.

*

И комаръ былой уланъ;
А теперь *букашка;*
На словахъ нахалъ, буянъ,
Въ дѣлѣ жь черепашка!

*

Старый воронъ публицистъ
И портной въ добавокъ,
Польскій жидъ и аферистъ
И толпа піявокъ.

*

Всѣ усѣлись вкругъ стола,
Часть взяла картишки,
А другая часть пошла
Обсуждать дѣлишки.

*

Вотъ еще влетаетъ въ залъ
Чорный жукъ мѣняла,
И ханжа и самохвалъ,
Алчущій металла.

*

Всѣ несутъ ему поклонъ,
Женщины встрѣчаютъ;
Имъ съ смиреньемъ дерзкимъ онъ
Ручки пожимаетъ.

*

Разгулялись языки,
Всѣ прогрессъ ругаютъ,
И — какъ крали старики
Встарь — припоминаютъ.

*

Современный путь къ добру,
Жажду просвѣщенья
Съ корнемъ вонъ! Не понутру
Это имъ стремленье!

*

И жужжитъ рутинный сонмъ,
Пѣна съ губъ клубится,
И грозится надъ добромъ
Громомъ разразиться.

*

И бичуетъ мысль и свѣтъ
Въ заугольной дракѣ,
И прогресса уже нѣтъ! —
Сгрызли весь, собаки!

*

Но на зло своимъ врагамъ
Онъ растетъ все выше;
Прививается къ людямъ
Гласомъ правды свыше.

*

Черной злобы пискарей
И не примѣчаетъ,
Но идетъ тропой своей,
Да и какъ шагаетъ!...

*

А когда порой въ пути
Гадовъ злобныхъ встрѣтитъ, —
Мимо ихъ спѣшитъ пройдти,
Будто бъ не замѣтитъ!

Замоскворѣцкія кумушки.

Здѣсь, у насъ въ Замоскворѣчьи
Невозможно вовсе жить!
Здѣсь проклятое злорѣчье
Въ силахъ небо закоптить!
Здѣсь по всѣмъ домамъ дозоромъ
Ходитъ *кумушекъ* отрядъ
И громаднымъ, адскимъ хоромъ, —
Клеветою всѣхъ чернятъ.
Есть ли въ мірѣ что̀ пошлѣе
Этихъ бабьихъ языковъ?...
Это просто въ юпкахъ змѣи!
Это — черти безъ роговъ!
Все, что̀ выше ихъ понятій,
Что̀ прекрасно безъ прикрасъ, —
Все предметъ для ихъ занятій,
Все имъ страшно колетъ глазъ.
И какъ грянетъ хоръ чепечный, —
Въ мигъ невинный очерненъ!
Негодяй же (другъ запечный)
Въ добродѣтель облеченъ!
Это люди!.. Это души!...
Тоже ходятъ въ Божій храмъ!
Для чего? — Другъ дружкѣ въ уши

Шепчутъ сплетни даже тамъ!...
А посты всѣ соблюдаютъ,
И въ сочельникъ до звѣзды
Такъ смиренно голодаютъ,
Что не пьютъ глотка воды!
А въ то-жь время, въ часъ содома,
Кого примутся ругать....
У *питейнаго* вамъ *дома*
Такой брани не слыхать!...
Честь, невинность, имя ближнихъ
Ихъ тревожатъ, ихъ гнетутъ;
И всегда въ этажахъ нижнихъ
Эти сплетницы живутъ.
Все, что чисто, что высоко,
Идеально, — не по нихъ,
Все чернятъ онѣ жестоко;
Это все — врагъ кровный ихъ!
Клеветѣ ихъ нѣтъ разбора!
Всюду съ губъ ихъ льется ядъ:
Въ часъ семейнаго раздора
Дочь и сына заклеймятъ
Сплетней самой дикой, грязной,
Пошлой, гнусною и злой!.....
Вотъ портретъ ихъ безобразный,
Но, къ несчастію, живой!

Откупщикъ.

Давно ль за стойкой я стоялъ
И ни гроша не стоилъ?...
Теперь, мнѣ зятемъ генералъ
Назваться удостоилъ!
А все вино тому виной!..
Торгуя полугаромъ,
Въ нашъ вѣкъ, какъ разъ, торгашъ иной
Самъ станетъ генераломъ!

Мои страданія.

(A la Гейне.)

Она меня очень любила,
А я — жить не могъ безъ нее!
Она кофеи мнѣ варила,
Чинила худое бѣлье.
Но счастіе вдругъ измѣнилось,
Я съ милою связь разорвалъ....
Бѣлье все мое развалилось,
И кофе я пить пересталъ! —

Эпиграмма.

Вѣрушу памятью судьба такъ наградила,
Что за сорокъ хоть лѣтъ вамъ вспомнитъ обо всемъ
Съ кѣмъ видѣлась, когда въ связи была, любила....
Лишь только объ одномъ забыла,
Какъ въ прежніе года каталась колесомъ,
Когда съ шарманкою ходила. —

Эпиграмма.

Фигляринъ говоритъ, что онъ блюститель слога;
Блюстителей такихъ у насъ при будкахъ много.

Во время одумались.

Она была дочь стряпчихи уѣздной,
Онъ въ откупѣ служеніе имѣлъ,
И былъ сыночкомъ *Бабушки безмездной*,
Давно въ столицѣ жившей — не у дѣлъ. —
Она ждала замужства очень долго,
А онъ жены лѣтъ тридцать ужь искалъ;
И вотъ, *ее* надъ матушкою Волгой
Онъ въ Рыбинскѣ по службѣ повстрѣчалъ.
Они сошлись; взаимность закипѣла,
Но безъ препонъ любви, знать, не бывать, —
Старуха-мать и слышать не хотѣла
За *виннаго* невинную отдать.
Послѣдняя, какъ водится, рѣшилась
Съ возлюбленнымъ *повѣреннымъ* бѣжать;
Въ окно къ нему довѣрчиво спустилась,
Забывъ бурнусъ и шляпку взять.

—

И вдругъ, *она*, въ объятьяхъ уже друга,
Раздумала, что другъ-то очень плохъ,
Что ликъ *ея* грядущаго супруга
Напомнилъ ей траву чертополохъ.
Да и *ему* пришла на умъ идея,

Что тягость узъ семейныхъ велика,
И что *его* хромая Дульцинея
Должно быть на руку не такъ легка.

—

Безъ словъ *они* другъ съ другомъ объяснились,
Ее назадъ въ окно онъ подсадилъ;
И холодно *они* навѣкъ простились, —
Какъ-будто бы никто и не любилъ

Замѣтка дворника о жильцѣ.

Больно-скучно весь свой вѣкъ
Проживать ни за полушку, —
Вѣдь, родится жь человѣкъ
Ни изъ кадки, ни въ кадушку!
Ужь такой ему таланъ
Вѣрно на роду написанъ:
Ѣстъ — не сытъ, не пьетъ — а пьянъ,
Паспортъ есть, да не прописанъ.
И на все, кажись, гораздъ —
И гульнуть, и сдѣлать дѣло,
И совѣтъ хорошій дастъ,
И отдѣлаетъ пострѣла.
И въ компаніи рѣчистъ,
Складно пишетъ и читаетъ,
Да и на руку-то чистъ;
Бога любитъ, совѣсть знаетъ;
Словомъ, парень хоть куда!
А живетъ — коптитъ лишь небо!
Суетъ носъ туда, сюда, —
Все достать не можетъ хлѣба!
Вотъ и вздумаешь порой:
Наша жизнь — мудрена штука!
Парень видный, съ головой,

Не далась лишь жить наука;
Да талану не далъ Богъ
Зануздать свои страстишки, —
Вотъ и гнутъ въ бараній рогъ,
И летятъ Макару шишки.
Тоже баринъ, а порой, —
Какъ маленько загуляетъ, —
Даже нашъ городовой
Въ рождество кулакъ пихаетъ!
Вотъ оно таланъ какой
Дастъ и барину судьбина:
Человѣкъ, какъ есть, съ душой,
А налижется — скотина!

Уѣздная барыня.

(Эскизъ.)

Немножко вздернутъ на бекрень
A la барбосъ чепецъ съ брызжами,
Въ роспашь капотъ муслинделень,
Лицо съ измятыми чертами
И съ отпечаткомъ сплетней, зла,
Недальности да безобразья; —
Она — ревнивѣе козла!
Любовь ея — ей-ей несчастье!
Мужъ вѣчный труженикъ ея;
Она за нимъ, какъ Аргусъ, бродитъ;
Ея прислуга и семья
Слѣдятъ за нимъ же, и доводятъ
Малѣйшій шагъ его до ней:
Его занятья, кругъ гостей,
Его пожатье рукъ съ родными, —
Съ сестрой, иль теткой; а съ чужими
Ему преступенъ даже взглядъ
Иль разговоры о погодѣ!
Въ ея рукахъ его нарядъ,
Его бѣлье въ ея комодѣ.
Мужъ вздумалъ ѣхать со двора, —

За нимъ шпіонъ летитъ стрѣлою;
И онъ уже не жди добра,
Коль за дождливою порою,
Заѣдетъ въ гости по пути,
Или погрѣется въ трактирѣ, —
Тогда спасенья не найти
Ему отъ *милой* въ цѣломъ мірѣ.
Попробуйте заѣхать къ ней, —
Будь вы чужой, будь вы роднею, —
До этого нѣтъ дѣла ей, —
Она съ *открытою душою*:
Начнетъ о мужѣ толковать,
Какъ онъ ее тиранитъ, губитъ,
Какъ поздно онъ ложится спать,
И какъ другую тайно любитъ;
Какъ трудно ей крестъ этотъ несть....
Потомъ, все ссыпавъ изъ пустова,
Она, какъ горецъ, *месть за месть!*
Предложитъ вамъ любви оковы;
Но вы за шляпу поскорѣй
И отъ любви — маршъ изъ дверей!
Но за холодность эту вашу
И васъ гроза ея грозитъ;
Она жестоко васъ казнитъ! —
Прольетъ на васъ всю сплетней чашу
И всѣмъ разславитъ подъ рукой,
Что вы въ любви ей признавались,
Но, будто-бы, какъ ни старались

Ее мольбами и слезой
Съ пути сбить вѣрности святой, —
У тощихъ ногъ ея валялись, —
Ея безжалостной ногой
Оттолкнуты, ни съ чѣмъ остались.
Чрезъ мѣсяцъ же, еще прибавитъ,
Что, отъ любви сгарая къ ней, —
Дичится стали вы людей,
Что взглядъ ея грудь вашу давитъ,
И, чтобъ страсть эту потушить,
Вы начали запоемъ пить!
А тамъ рѣшитъ: «Онъ спился съ кругу!»
Скажу и недругу и другу:
«Избави Богъ знакомымъ быть
Съ такой уѣздною Мегерой!
Ее же въ обществѣ открыть
Легко. Могу я научить:
Лицомъ сходна она съ холерой,
Ванильной тѣшитъ вкусъ ликерой;
Въ костюмѣ любитъ сѣрый цвѣтъ,
На поясѣ всегда лорнетъ;
Все вяжетъ: для дѣтей — чулочки,
Для мужа — колпаки, носки,
Всѣмъ встрѣчнымъ *въ память* кошелечки,
Кисеты, туфли, чубуки;
Обидѣть каждаго готова; —
Съ прислугой только — ни полслова,
Затѣмъ, что тайны всѣ свои

Кормилкамъ, горничнымъ ввѣряетъ;
Со всѣми въ преферансъ играетъ,
И, проигравшись, предлагаетъ
Вашъ выигрышъ считать на ней.
Примѣты есть еще яснѣй, —
Но если ихъ узнать хотите, –
Къ ней сами въ руки попадите!»

Блаженъ!

Блаженъ, кто рано обуздалъ
Порывы сердца и желаній,
Разсудкомъ чувство оковалъ,
Мечтѣ свои назначилъ грани;
Кто въ жизни понялъ лишь одно,
Что жизнь дана намъ для желудка;
Что дружба — кислое вино,
Что чувство — антиподъ разсудка,
Что въ *свѣтѣ* не найдти *людей*, —
(Теперь ихъ мѣсто лишь въ передней,)
Что все высокое, ей-ей,
Лишь химерическія бредни!...

Пасынокъ.

(Изъ Крылова.)

— Пріятель дорогой!... Что новаго слыхалъ?—
«Да *Пасынка* сейчасъ вотъ только прочиталъ.
«Ну, братецъ, вѣришь ли? ей-ей, отъ удивленья
«Невольно прихожу я просто въ онѣмѣнье!
«Какихъ тамъ только штукъ портной не накроилъ!
Какихъ тамъ пѣвчихъ птицъ къ себѣ не насадилъ
Съ звѣринцемъ *Крейцберга* онъ, право, очень! сходенъ,
«И для афишъ его куда бы былъ пригоденъ!
«Какихъ я личностей тамъ только не встрѣчалъ!
«Звѣрей, растеній, птицъ, всего онъ понабралъ.
«Какіе червячки, дрозды, орангутанги!
«И лебедь черный тутъ, и курочекъ фаланги!
«И барскій попугай, и зайцы всѣхъ сортовъ!
«И безголосныхъ есть довольно соловьевъ!
«Дубъ, тополь, плодъ гнилой — морковь,
«И тьма чужихъ тряпицъ живою ниткой сшитыхъ;
«Художникъ Марако въ лохмотьяхъ и небритый
«Съ себя портретъ не такъ давно тамъ помѣстилъ,
«И людъ крещеный извѣстилъ,
«Что онъ художникъ *прогорѣлый*;

« Но, впрочемъ, чтожь кому до этого за дѣло?..»
— А ты портнаго-то видалъ ли самого?
— Я чай подумалъ: вотъ *художника*-то встрѣтилъ! —
« Ну, братецъ, виноватъ, его лишь одного
« Въ ковчегѣ этомъ я, какъ насмѣхъ, не замѣтилъ. »

Слава.

Что слава? — Дымъ, роса, туманъ,
Металла звукъ въ степи печальной;
Тревоги чувствъ, души изъянъ,
Заслуги саванъ погребальный.
Нѣмыхъ Египта пирамидъ, —
Ероглифическія строки;
По свѣту странствующій жидъ,
Дающій гордецамъ уроки.
Что слава? — Миѳъ, обманъ, мечта,
Конекъ-горбунчикъ егоизма,
Волненье крови, суета,
Глазъ ослѣпляющая призма.
А человѣкъ во слѣдъ за ней
Несется, пятокъ не жалѣетъ;
Въ болотѣ вязнетъ до ушей,
Въ сугробахъ снѣга костенѣетъ.
Одинъ, спѣша ее настичь,
Льетъ кровь другихъ людей рѣками;
И вотъ, прозванье: *Божій бичъ*
За нимъ оставлено вѣками.
Другой обжорствомъ удивилъ
Всѣхъ обитателей вселенной
И тѣмъ себѣ соорудилъ

Въ потомствѣ памятникъ нетлѣнный.
Иной построилъ лабиринтъ,
Другой сожегъ библіотеку,
Тотъ въ свѣтъ пустилъ пары да винтъ,
А тотъ пѣлъ лихо кукареку!
Но результатъ для всѣхъ одинъ:
Сажень земли да червь голодный, —
Поэтъ, герой и властелинъ
Всѣ для червей въ закуску годны!

Долой смѣхъ!.. горя давайте!...

Я съ невольнымъ смотрю удивленіемъ, —
Что за время настало у насъ! —
Всѣ къ смѣшному питаютъ стремленіе, —
Эка слабость въ людяхъ развилась!...
Всѣ смѣются надъ слабостью ближняго,
Зубы скалятъ на честныхъ людей;
Все отъ люда идетъ это книжнаго,
Отъ свободныхъ какихъ-то идей!
Все стремленью тому подчиняется,
Даже сцена все смѣхомъ живетъ; —
Надъ доходомъ чиновъ насмѣхается,
Все куплетцы о взяткахъ поетъ.
Точно нѣту сюжетовъ серьознѣе,
Нѣтъ сюжетовъ солидныхъ, иль драмъ, —
Гдѣ награда всегда ждетъ, — хоть поздняя, —
Угнетенныхъ героевъ и дамъ!
Скажутъ: «ктожь теперь пишетъ трагедіи?..
«Драматизмъ запихали подъ спудъ;
«Сочиняютъ однѣ все комедіи,
«Водевили, какъ вафли, пекутъ! — »
А что стоитъ, скажите, дирекціи
Театральный архивъ раскопать,
И изъ гнилью покрытой коллекціи —

Хоть полсотни трагедій поднять?
Лишь Шекспира ворочать не слѣдуетъ;
Нѣтъ, давайте талантовъ родныхъ!
Вашъ Шекспиръ чепуху проповѣдуетъ;
У насъ много Шекспировъ своихъ!
Напримѣръ: «*Клиннисмѣста*» трилогія, —
Отчего не на сценѣ она?...
Не слыхали о ней даже многіе, —
А она — Одиссеѣ равна!
Хоть и классикомъ школьнымъ написана,
А громадная штука ей-ей!
Въ ней вся Грецій ухъ! какъ росписана! —
Волосъ встанетъ въ дыбки со страстей!
Клиннисмѣста, царица аргосская,
Какъ живая, она предо мной! —
На главѣ ея шапочка плоская;
Она страшно костлява собой.
Въ три полотнища юпкой завернута,
А на плечахъ троянскій бурнусъ,
Хоть и задомъ къ вамъ будетъ обернута, —
Такъ и сзаду все греческій вкусъ!
Передъ нею *Массандра* невинная
Упрекаетъ царицу въ грѣхахъ;
Клиннимѣста же бѣсится длинная, —
Что *Массандра* бойка на словахъ.
Да и впрямь, что слова молодецкія!
Какъ познала невинность порокъ!...
Вы въ орѣшки-то вкушайтесь грецкія, —

Я *Массандринъ* прочту монологъ:

—

«Ахъ, зачѣмъ въ порывы похоти,
«Клиннисмѣста, впала ты?
«Охъ! придется тебѣ охати
«За преступныя мечты!
«И зовешь пропащей дѣвушкой
«Ты меня-то почему жь? —
« ѣдь сама ты стала Евушкой, —
«Но Адамъ-то твой.... не мужъ!
«Развѣ смѣешь ты ругательствомъ
«Меня, бѣдную, клеймить?
«Иль невинной обижательствомъ
«Хочешь пухъ на рыльцѣ смыть?
«Честь твоя ужь невозвратная,
«Не подскоблишь и ножемъ,
«Каждый день, жена развратная,
«Мужа рядишь ты козломъ.
«И съ подобной-то аттенціей
«Меня смѣешь упрекрать
«Ты, моею поведенціей, —
«Не супругу и не мать!!..»

—

Вотъ такія давай намъ трагедіи!
Тутъ, по крайности, сильный экстазъ.

Водевилишки жь, шутки, комедіи,
Норовятъ все не въ бровь, прямо въ глазъ.
Охъ! когда бъ въ ценсора меня выбрали, —
Я бъ насмѣшкамъ хвосты прищемилъ! —
На статьи я бъ смотрѣлъ только издали
И съ плеча ихъ крестами чертилъ!

Перевозчикъ.

(Посвящается Тайвани.)

1.

— Перевозчикъ, скорѣй!... Дай мнѣ прежде огня
Папироску зажечь, и вези ты меня
На Петровскій; ужасно спѣшу я!
Денегъ нѣтъ ни гроша; но, вѣдь, я хороша;
Такъ до утра возьми ты мой зонтикъ, душа;
Завтра вдвое тебѣ заплачу я.

2.

«Чортъли въ зонтикѣ мнѣ! У меня есть и свой;
Съ нимъ тяжельше лишь гресть въ вѣтерокъ
верховой. —
Плыть за зонтикъ!... Шалишь, не надуешь!
На Петровскій съ тобой я готовъ, такъ и быть,
Отъ Гагаринской пристани даромъ проплыть, —
Если десять разовъ поцѣлуешь. — »

3.

— Фи, невѣжа какой!... Но ужь солнце зашло,
Опоздаю я въ паркъ!... Ну, берись за весло,

Перевозчикъ, греби поскорѣе;
Зонтикъ мало?... Возьми, вотъ, въ придачу платокъ.
Плыть туда по водѣ; по пути вѣтерокъ;
Ну, ступай же, вѣдь я не поспѣю!

4.

«На какой чортъ мнѣ платокъ? — Носъ утру и полой; —
Нѣтъ, мамзель, видно мы не поладимъ съ тобой;
Ты не то все, голубка, толкуешь.
Я ужь разъ порѣшилъ, что свезу я тебя,
Если въ яликѣ ты приголубишь меня,
Разъ десятокъ-другой поцѣлуешь.»

5.

— Ахъ, мужикъ, грубіянъ!.. Ты прижать меня радъ...
Ну, браслетъ я въ придачу отдамъ подъ закладъ,
Только долженъ летѣть ты стрѣлою. —
«Вотъ подъѣхала съ чѣмъ!... Мѣди я не видалъ!...
Нѣтъ, красотка, по-русски тебѣ я сказалъ:
Повезу, — поцѣлуйся со мною!»

6.

И я видѣлъ потомъ: подъ Тучковымъ мостомъ,
Перевозчикъ съ мамзелью въ ялботѣ, рядкомъ,

По теченью, безъ веселъ, неслися,
Перевозчикъ пылалъ, «*Ваньку-Таньку*» оралъ,
Да мамзель-то и дѣло въ уста цѣловалъ,
А въ Петровскомъ ужь всѣ разошлися.

Эпиграммы.

1.

Твердятъ, что Леонидъ уменъ.
Клянусь, тутъ есть частица смысла:
Въ немъ умъ столь гибокъ, что самъ онъ
Предъ всѣми гнется въ коромысло.

2.

« Здорово, другъ!— Ты, говорятъ, женился?..
На комъ?» — На Галкиной; взялъ въ 300,000 домъ! —
« Такъ значитъ ты теперь обзавелся домкомъ;
Ну что доволенъ ли?»—Ахъ! лучше бъ удавился!

3.

Достоинствъ въ Деминой вы не могли найдтить?!...
Но, послѣ этого, прошу ужь извинить, —
Я прямо вамъ скажу: вы просто *простоваты!* —
Достоинствъ многихъ нѣтъ, но много просто — ваты.

4.

Какъ нашъ Вафей франтитъ! — завитъ и напомаженъ;

Во всемъ въ немъ налита Лавандская вода,
Затянутъ, раздушонъ, приглаженъ,—
Лишь уши длинныя не спрячетъ никуда.

5.

Васюта Пѣтушковъ мечтаетъ,
Что онъ умомъ затмитъ весь свѣтъ.—
Увы! всегда насъ то лишь занимаетъ,
Чего у насъ въ заводѣ нѣтъ.

6.

—Что нашъ Борисычъ пріунылъ?—
Еще Богъ сыномъ наградилъ,
Такъ онъ хотя и простъ, но къ мысли той приходитъ,
Что гувернера сынъ не на него походитъ.

7.

Былъ прежде откупщикъ Карлуша,
Знакомства съ нимъ искать старалась знать;
Онъ покупалъ за водку души;
Теперь свою хоть чорту бъ радъ продать,
Лишь только бъ снова откупъ снять;
Но тщетно все! И всѣ мечты Карлуши
Отправилися тпруши!

8.

Что такъ нашъ приставъ винный осовѣлъ!—

Изъ индюка въ ворону превратился?
Увы! онъ нынче не у дѣлъ,
И крѣпости своей стоградусной лишился;
А главное, о чемъ онъ сильно воскорбѣлъ,
Есть то, что случай проглядѣлъ
И предъ отставкою ничѣмъ не поживился.

9.

Нашъ Прутковъ на томъ стоитъ,
Чтобы врядъ ползти съ вельможей;
Всюду мечется, юлитъ,
Просто лѣзетъ вонъ изъ кожи,
Чтобъ какой аристократъ
Ему молвилъ: « Здравствуй, братъ! »

Но труды по пустякамъ,—
Свѣтъ его не замѣчаетъ
И къ обѣденнымъ столамъ
Все его не приглашаетъ.
Правда, было какъ-то разъ,—
Онъ сломилъ судьбу старуху,
И въ какой-то добрый часъ
Сѣлъ у графа — оплеуху.

И скучно и грустно.

И скучно, и грустно, и не съ кѣмъ бутылку
распить
Въ минуту душевной невзгоды!
Шампанское пить одному!... Но лучше настойку
ужь пить,
Иль горькія сѣрныя воды!...
Притомъ же *простое* пить право не стоитъ труда,
Пить вѣчно Клико невозможно!
Напьешься съ друзьями, проспишься, и нѣтъ ужь
слѣда,
Лишь голову ломитъ, да такъ лишь какъ-будто
бы тошно.
Крѣпиться? — Но рано ли, поздно ль, на-
лижешься вдругъ,
Проспишься, почешешь въ затылкѣ,
И скажешь: нѣтъ, пьянство преглупый, пре-
пошлый недугъ!
Какой результатъ въ немъ? однѣ лишь пустыя
бутылки!

Опротивѣлъ Кавказъ!

Жизнь на Кавказѣ мнѣ страшно наскучила!
Да и нельзя не скучать:
Вдругъ вамъ встрѣчается этакій чучело,
Что и во снѣ не видать!

Шапка баранья, усищи страшенные,
Рожа!... боюсь и сказать!

Руки, — какъ-будто дрова трехполѣнные, —
Въ силахъ медвѣдя сломать!

На брюхѣ, этакъ, кинжаликъ болтается
Съ добрый мясничій рѣзакъ!

Взглянешь — и то тошнота поднимается
И нападаетъ столбнякъ.

Тамъ же еще за спиною игрушечки:
То-есть, пищаль и пистоль,

Адскія въ родѣ, сказать такъ, хлопушечки;
Тотчасъ башкѣ карамболь!

Мигомъ, глядишь, пострадаетъ амбиція, —
Разомъ пропишутъ капутъ!...

Я удивляюсь, что̀ смотритъ полиція, —
Въ часть этихъ рожъ не берутъ!...

Нѣтъ, на Кавказѣ я жить не совѣтую
Даже и злому врагу.
Я погляжу, пострадаю, посѣтую,
Да хоть въ Сибирь убѣгу!

Свѣтскій вѣсъ.

есь свѣтъ теперь на то лишь тянетъ,
Чтобъ въ свѣтѣ вѣсъ большой имѣть;
Тотъ лѣзетъ въ гору, тотъ оттянетъ,
Тому же внизъ пришлось летѣть,
И каждый падаетъ, но снова
Спѣшитъ тянуться за другимъ,
Чтобы тяжелый вѣсъ другова
Перетянуть опять своимъ.
И каждый тянется и тянетъ
Другихъ къ паденью за собой;
Его жь — какъ ножки онъ протянетъ, —
Скоты потянутъ на покой. —

Эпитафія.

Подъ камнемъ симъ лежитъ непризнанный поэтъ,
По милости Творца къ намъ, падшій въ цвѣтѣ лѣтъ.

Въ альбомъ.

В—ѣ А—внѣ К—ой.

Я не спорю, — вы прелестны,
Поэтичный идеалъ!
Вы въ кокетствѣ такъ чудесны! —
Весь Елецъ то испыталъ.
Вы сожгли его очами,
Привлекли къ ногамъ своимъ
И съ ума свели рѣчами;
Словомъ, вы играли имъ
Въ стары годы, какъ игрушкой;
Но, всему же есть конецъ!
Васъ разславили старушкой,
Вы накинули чепецъ
На бѣдовую головку,
И, слыхалъ я, что порой
Рвете съ горничной плутовкой
Дерзкій волосокъ сѣдой?...
Такъ пора и быть потише,
Отказаться отъ побѣдъ,
Лифы платьевъ шить повыше:
Вамъ, вѣдь, скоро сорокъ лѣтъ!

Эпитафія.

Подъ камнемъ симъ лежитъ Вафей.
Прохожій! прахъ его облей,
Чѣмъ хочешь, только не слезами: —
Затѣмъ, что слезъ никто не льетъ надъ пустяками.

Подражаніе Пушкину.

Тамъ, гдѣ нашъ патріотъ — подъячій
Въ архивѣ мирно опочилъ,
Новѣйшихъ дней еврей бродячій
Журнальный стягъ свой водрузилъ.
Публичный интересъ оставя за спиною,
На личный интересъ вниманье обратилъ,
Наполнилъ свой журналъ изъ Карповки водою
И въ ней на червячковъ подписчиковъ ловилъ.

Изъяснение въ любви писца

при канцелярии нижнедѣвицкаго исправника.

(Куплеты съ дуплетами.)

Кто можетъ такъ любить, какъ я люблю жестоко?
Кто можетъ чувствовать такъ страшно страсть свою?
Любовью этою возвышусь я высоко;
Въ истомѣ томной я весь таю, но таю
Ее въ молчаньи, какъ Молчалинъ...
Нѣтъ!.. рѣшаюсь!..
Хочу вслухъ высказать, что̀ чувствуетъ душа;
Хочу признаться вамъ, — въ чемъ вѣчно не признаюсь,
Что стоитъ много мнѣ, не стоя ни гроша.

***

Я бросилъ общество, гдѣ общимъ увлекаясь
Влеченьемъ къ женщинамъ, я всѣмъ твердилъ: «люблю!»
Теперь къ одной *Любви* любовью возгараясь,
Пылаю пламенемъ и заревомъ горю!
О, какъ прекрасны вы, прекрасная красотка!

Алѣе алыхъ розъ вашъ аленькій ротокъ!
Нижнедѣвицкаго краса вы околотка;
Изъ лучшихъ лучшій вы и лучше всѣхъ цвѣтокъ!

***

Немножко косы вы; за то коса-то ваша
Скосила, говорятъ, десятка три мужчинъ!
Васъ прозвали враги: «курносая Любаша»,
Но дамѣ длинный носъ, какъ водоносу чинъ,
Ужь вовсе не къ лицу, хотя,—скажу смѣлѣе,—
Да будетъ сказано мной слово не въ проносъ, —
Вашъ носикъ хоть и могъ быть крошку попрямѣе,
Но все жь онъ и теперь весьма пресносный носъ.

***

За то каковъ вашъ станъ!—Съ ума сойду отъ стану!
Станъ съ жизнью за него отдалъ бы становой!
Ужель когда владѣть я этимъ станомъ стану?...
Ужель рѣшитесь стать вы *статскаго* женой, —
Да не совѣтника, а просто копіиста, —
При канцеляріи исправника къ тому жъ?...
Рѣшитесь, ангелъ мой!... Я копирую чисто!..
Что толку женщинѣ разсматривать, кто мужъ:
Военный, статскій ли дѣйствительный, надворный,
Дворовый, крѣпостной, безчинный человѣкъ?...
Лишь только бы пылалъ любовью безпритворной
И *Любъ* былъ бы любъ, любя ее весь вѣкъ!

Современное движение русской литературы и общества.

Разсвѣтъ! *разсвѣтъ* въ литературѣ!
Работать началъ *Русскій міръ*,
И *Искра*, — хоть въ каррикатурѣ, —
Прогресса освѣтила пиръ.
Отъ ней и *свѣточъ* загорится.
Подъ звуки скромные *Гудка*
Плясать нашъ юморъ постыдится
Въ литературѣ трепака.
Да! *Слову русскому* свѣтлѣе
Теперь уже идти впередъ;
Къ нему, — чтобъ къ цѣли шло вѣрнѣе, —
На помощь *Свѣтопись* идетъ.
Все на рысяхъ летитъ къ прогрессу,
Все *Современникомъ* глядитъ, —
Акціонеръ изъ интересу,
Изъ прежней славы — *Инвалидъ*.
Кавказъ — и тотъ разшевелился,
Не знаю, впрочемъ изъ чего,
Остзейскій вѣстникъ появился
Съ вѣстьми, — о чемъ и для чего? —
Покуда это не извѣстно;
Но въ общемъ все-таки прогрессъ.

Шехеразады вѣкъ чудесный,
Вѣкъ сказочный у насъ воскресъ!
Вся Русь сошлась судить о благѣ
Въ *Бесѣдѣ русской* и живой,
И рвется, въ боевой отвагѣ,
Впередъ *Орелъ* нашъ молодой!
Всѣ образъ жизни измѣнили,
Работать стали всѣ дружнѣй;
Ужь дамы даже посвятили
Часы досуга для дѣтей.
Фланерство всѣмъ понадоѣло,
Сталъ многимъ милъ *Семейный кругъ*;
Есть *Развлеченье* между дѣла,—
Нельзя жь налечь на дѣло вдругъ!
Nec plus ultra не схватишь разомъ;—
Мы и теперь не безъ грѣха!
Какъ освѣтить прогресса газомъ,—
Тамъ-сямъ найдется чепуха.
Въ литературномъ ульѣ нашемъ
Есть *скверный Трутень* не одинъ;
Но и у путнаго папаши
Случается безпутный *Сынъ*!
Какъ быть?—Въ семьѣ не безъ урода;
Но все же польза ужь видна,
Въ стремленьи къ *Чтенью для народа.*
Хоть понемногу рутина
Спадаетъ съ плечъ его могучихъ,—
Къ образованью онъ идетъ.

Сметаетъ грязь былаго въ кучи
И свѣтлымъ будущимъ живетъ!
Молва затихла о разгулѣ
Пустыхъ и взбалмошныхъ идей;
Журналы крылья развернули
На благо общее людей.
Все ищетъ, жаждетъ просвѣщенья,
Вся *Русь Дневникъ* заводитъ свой,
И въ *Библіотеку для Чтенья*
Идетъ и малый, и большой.
Перерожденье наше близко;—
Мужикъ сталъ съ книгою знакомъ,
И про *отечество Записки*
Ведемъ роднымъ своимъ перомъ.
Въ Европѣ *Русская газета*
Ужь появляться начала;
Про *Вѣсти Русскія* вкругъ свѣта
Рѣчь благосклонная пошла.
Добра въ Россіи видятъ много,
О немъ печатно говорятъ
И безъ суда нелѣпо-строго
Насъ варварами не клеймятъ.
Теперь намъ гласно объявили:
Руно златое есть у насъ;
А встарь такъ Нѣмцы вывозили
Въ молчанку золото отъ насъ.
Да мы и сами все молчали,
Всю жизнь играли въ преферансъ,

Листокъ полиціи читали
Да пили водку словно квасъ!
Теперь прошла зима лихая,
Весна Россіи началась,
Все дышитъ прелестію мая,
Вся Русь цвѣтами убралась.
Подспѣжникъ дѣти отрываютъ,
Дѣвицы — *Сѣверный цвѣтокъ*
Въ *Гирлянду* дружно заплетаютъ
И тщательно съ него срываютъ
Негодный ужь для *всѣхъ Листокъ*.
Вездѣ на окнахъ видишь *Вазу*
Съ букетомъ изъ живыхъ цвѣтовъ;—
Душой цвѣточному экстазу
Нашъ край сочувствовать готовъ.
А это много, много значитъ!
Цвѣты кто любитъ, тотъ съ душой;
Тотъ къ ближнимъ чувствъ своихъ не прячетъ,
Тотъ съ добрымъ сердцемъ и рукой,

—

Цвѣти же, Русь моя родная!
Учись, стремись къ добру, трудись
На пользу дорогаго края
И за Царя Творцу молись!
Онъ разбудилъ твой сонъ тяжелый,
Онъ сбросилъ съ плечъ твоихъ ярмо
Пороковъ, вбитыхъ старой школой,

И снялъ позорное клеймо
Раба, зарывшаго глубоко
Таланты, данные Творцомъ.
Съ подобнымъ ангеломъ-Царемъ
Ты — вѣрь — пойдешь теперь далеко!
Молись же, въ путь иди бодрѣй
И зло подъ самый корень бей!

Эпитафія.

Здѣсь прахъ лежитъ новѣйшаго поэта,
Котораго труды давно размыла Лета.
Прохожій! передъ нимъ фуражку ты сними
И — прахъ его возьми!

Голосъ изъ канцеляріи.

(Письмо канцелярскаго чиновника къ собрату на Кавказѣ.)

Здравствуй, Василій Петровичъ! Давненько къ тебѣ не писалъ я,
Другомъ мнѣ будь, не взыщи; не отъ лѣни, а плохи финансы.
Все вздорожало ужасно въ столицѣ Россійскаго царства,
Такъ что и гривенникъ важную ролю играетъ въ хозяйствѣ.
Девять цѣлковыхъ оклада; далеко на нихъ не уѣдешь!
За уголъ нынче ужь менѣе двухъ серебромъ не заплотишь.
Да, виноватъ, я забылъ, что ты не былъ у насъ въ Петербургѣ.
Слѣдственно, нашихъ столичныхъ угловъ оцѣнить не съумѣешь.
Эти квартиры въ провинціи вамъ и во снѣ не приснятся;
Здѣсь же въ столицѣ, для насъ, горемыкъ, онѣ очень сподручны.
Можешь представить коморку, аршинъ за десятокъ въ квадратѣ,

Большею частью въ подвалѣ, а нѣтъ, такъ подъ самою кровлей,
Эдакъ въ четвертомъ, иль въ пятомъ (а есть и повыше) этажѣ,
Эту коморку наймetъ отъ хозяина рубликовъ за шесть
Нашего жь брата чиновника вдовушка, гольспекулянтша;
Уголъ, поближе къ дверямъ, отмежуетъ изношенной юбкой:
Это квартира хозяйки, — а въ три же угла остальные
Насъ, канцелярскихъ сиротъ, штуки три, иль четыре напуститъ;
Каждый въ своемъ уголкѣ, а четвертый, считаясь за штатомъ,
Или вотрется къ хозяйкѣ, а нѣтъ — такъ гуляетъ въ серединкѣ.
На ночь же въ гости придетъ то къ тому, то къ другому сосѣду.
Такъ мы, бѣдняги, живемъ, въ холостьбѣ, а невольно семейно.
Вотъ она жизнь-то какая! Поднимешься утромъ раненько;
Вмѣсто чайку-то, шалфейцу, иль съ паточкой мятки заваришь,
Выпьешь стаканчикъ, другой, да на службу бѣжишь безъ оглядки:

Первое дѣло, чтобъ раньше начальника къ дѣлу явиться,
Ну, а второе, шинель-то, лишь имя одно, что на ватѣ, —
Служитъ девятый годокъ; самъ разсудишь, какая согрѣва!
Вытерлась такъ, что на свѣтъ поглядѣть—рѣшето продувное.
Ну, а морозы у насъ, вѣдь не то, что у васъ на Кавказѣ:
Градусовъ десять, пятнадцать и двадцать порою бываетъ!
Всѣ канцеляріи наши притомъ же въ срединѣ столицы,
А уголки подешевле всегда у чертей на куличкахъ!
Гавань, Пески, Петербургская, Охта, Ямская, Коломна, —
Вотъ гдѣ живетъ-обитаетъ бѣднякъ канцелярскій чиновникъ.
Въ должность придешь, словно кочень капусты, застылой на рынкѣ;
Около печки казенной едва-едва руки согрѣешь;
Сядешь за столъ, и пошли, полилися широкой рѣкою:
Отпуски, справки, запросы, приказы, счета, отношенья,

Смѣты, доклады, экстракты и разныя дрязги такія,
Въ годъ для которыхъ выходитъ бумаги листовъ милліоны!
Пишешь безъ устали, трехъ вожделѣнныхъ часовъ поджидая;
Пробило три, и желудокъ — вѣрнѣе часовъ съ репетиромъ —
Глухо ворчитъ, что ужь время домой отправляться обѣдать;
Выйдешь, а онъ все ворчитъ и мечтаетъ въ гостяхъ насладиться;
Только мечтанья его — постоянно воздушные замки!
Кто пригласитъ пообѣдать со вкусомъ писца-горемыку?...
Вотъ секретарь, казначей, иль начальникъ стола, или стряпчій,
Это полезные люди, — ихъ кормятъ обѣдами плотно,
Лишь бы они не кормили истцовъ своихъ завтракомъ скучнымъ;
Ну, а съ ничтожнымъ писцомъ на короткости кто согласится?...
О мелкота, мелкота! тяжела твоя горькая доля!
Противъ судьбы не пойдешь; а шинель подобравши повыше,
Лучше домой торопись. Ну, а дома обѣдъ не завидный:

Праздникъ ли, будни ли, ты поневолѣ посты соблюдаешь;
Купишь селедку, да лучку, кваску, да два фунтика хлѣба,
Вотъ и обѣдъ. Не мудренъ, да и тотъ по окладу-то дорогъ!
Какъ ни вертись, а къ полмѣсяцу денегъ, глядишь, ни копѣйки,
Это нашъ братъ холостякъ, а семейный, — и вздумать-то страшно! —
Тотъ какъ, несчастный, живетъ?... А живетъ, и живутъ очень много.
Ну, а къ начальству попробуй въ нуждѣ да въ бѣдѣ обратиться,—
Рѣзкій отвѣтъ и короткій: «Да намъ-то до васъ что за дѣло?
Чортъ ли велѣлъ въ нищетѣ, безъ карьеры, семьей заводиться?
Самъ виноватъ, и терпи, и хлебай свою горькую чашу!...»
Вотъ оно, мысли какія начальство имѣетъ о мелкихъ!
Будто-бъ не люди они! А того не хотятъ и подумать,
Что иногда осемьиться углы-то неволей заставятъ.
Часто у бѣдныхъ хозяекъ бываютъ красавицы дочки;

Ну, а жильцы канцелярскіе — въ жилахъ не съ рыбьею кровью;
Въ тѣсной же жизни такой отъ соблазна легко ль уберечься?
Тутъ по неволѣ приходится стыдъ-то оставить въ сторонкѣ;
Надо же дѣвушкѣ ночью раздѣться, а утромъ одѣться,
Ну, а отъ глазъ молодыхъ не защита изъ ситцу завѣса;
Вотъ невольно жилецъ и увидитъ — то ножку шальную
Въ бѣломъ чулочкѣ, то шейку, то груди, какъ пухъ лебединый:
Все это кровь кипятитъ, и посты даже тутъ не помѣха...
Глядь — и забылся, увлекся.... и бѣдная дѣвушка тоже. ..
Жизни не радъ, какъ очнешься, но поздно,—ужь сдѣлано дѣло!
Этой бѣды ужь раскаяньемъ чистымъ однимъ не исправишь;
Совѣсть и долгъ у бѣдняги бываютъ почище богатыхъ, —
Вотъ и невольно вѣнцомъ прикрывай нищеты увлеченье....
Вотъ и семья! — А иные жениться спѣшатъ по расчету:

Сшить новый фракъ, да шинель, да полдюжины
новыхъ манишекъ,
Годъ съ молодою женою у тестя пробиться на
хлѣбахъ;
Въ годъ же, мечтаютъ, воды утечетъ предовольно:
Можетъ быть, штатное мѣсто, иль домъ отыщу
въ управленье,
Или.... Да мало ль въ бѣдѣ чѣмъ мечты бѣдняка
утѣшаютъ?
Вотъ она жизнь канцелярскихъ! — о ней кто
имѣетъ понятье?
Кто обратитъ на нее изъ начальниковъ нашихъ
вниманье?
Если и спроситъ министръ кой-кого, стороной,
при докладѣ:
«Что это, кажется мнѣ, что чиновникамъ малы
оклады:
Есть ли возможность физически жить на двѣнад-
цать цѣлковыхъ, —
Тѣмъ еще больше, что нынѣ все вдвое, да втрое
дороже, —
Добрый докладчикъ, желая поддѣлаться ближе
къ вельможѣ,
Рвенье свое показать на сохранность казны
интересовъ,
Скромно, согнувшись въ дугу, какъ ты думаешь,
что отвѣчаетъ? —

«Ваше сіятельство! Вѣрно достаточны наши оклады,
Если мѣста заняты всѣ сполна и довольно сверхштатныхъ;
Еслибъ нельзя было жить, то, повѣрьте, они бъ не служили.»
Вотъ какъ начальство печется о благѣ своихъ подчиненныхъ!
Было бы имъ хорошо, а до насъ, горемыкъ, что за дѣло?
Много хлопотъ и безъ насъ и по службѣ, и въ жизни домашней;
Нынѣче же стали такъ рѣзко писать о неправдѣ, о взяткахъ,
Ну и о всемъ вообще, что̀ ихъ шибко деретъ за живое;
Тутъ поневолѣ докажешь всю дружбу своимъ подчиненнымъ;
Не надъ кѣмъ больше излить своей злобы безсильной и черной.
Вотъ какова наша жизнь, мой любезный, Василій Петровичъ!
Нечего дѣлать, терпи; на томъ свѣтѣ къ наградѣ представятъ.
Ну, а покуда прощай! Черезчуръ я къ тебѣ записался; —
Этакъ придется пожалуй на почтѣ отдать за два лота.

Общая арлекинада.

Міръ прекрасенъ! міръ высокъ!
Только мы-то въ мірѣ плохи!
И сказать намъ не въ упрекъ,
Всѣ мы просто скоморохи!
Наша жизнь кипитъ трудомъ,
Благо ближнихъ намъ отрада;
А осмотришься кругомъ, —
Что ни шагъ — арлекинада!

—

Вотъ ученый. — Онъ законъ
Міровданья разрѣшаетъ,
Весь въ науку углубленъ,
Ей весь умъ свой посвящаетъ.
Безкорыстно? — Не совсѣмъ!
Есть въ виду одна награда:
Мѣсто съ цифрой тысячъ въ семь.
Это что жь? — Арлекинада!

—

Вотъ герой. — Онъ бичъ враговъ!
Первый въ бой на смерть несется.
Неужель, теряя кровь,
Онъ за родину лишь бьется?
Да, — ее спасаетъ онъ!
Впрочемъ, главное-то — надо
Взять въ опеку эскадронъ....
А! и тутъ арлекинада!

—

Вотъ поэтъ. — Въ своихъ мечтахъ
Онъ паритъ за облаками;
Рай его — въ его стихахъ,
Онъ — властитель надъ мірами.
Жизнь его свѣтла, чиста,
Цѣль его — паденье ада,
Ну да сто рублей съ листа....
Ай, ай, ай! арлекинада!

—

Вотъ *она*. Ей имя нѣтъ
Для того, кто бредитъ ею;
Въ ней добро, блаженство, свѣтъ,
Въ ней онъ видитъ сердца фею;
Въ ней любовь кипитъ.... Къ томужь
Для баловъ, для маскерада
Нуженъ съ деньгами ей мужъ....
Тьфу!.. И тутъ арлекинада!

Вотъ сатирикъ-журналистъ
Искры гнѣва всюду мечетъ,
Тянетъ пасквиль въ цѣлый листъ
И нескладно въ немъ лепечетъ,
Что сосѣдъ его уродъ,
Что онъ сальная помада!...
Самъ же сальностью живетъ, —
Что жь онъ самъ? арлекинада!

—

Вотъ помѣщикъ, вотъ артистъ,
Откупщикъ, судья, писатель,
Филантропъ и прогрессистъ,
И издатель, и читатель,—
Въ общемъ благѣ всѣ срослись,
Одного всѣ овцы стада....
А куда ни оглянись,
Все кругомъ — арлекинада!

Съ позволенія сказать.

Есть *съ позволенія сказать*
Въ Россіи поговорка,
Ее поглубже разобрать,—
Въ ней очень много толка.
Она приладится вездѣ
При современныхъ правахъ;
Сподручна въ радости, въ бѣдѣ,
При дѣлѣ, при забавахъ.

—

Въ Россіи гласность въ ходъ пошла
(Молчать вишь стало плохо!);
Литература зацвѣла
Цвѣткомъ чертополоха.
Она съ плеча пошла писать
И налегла на взятки;
Но, *съ позволенія сказать*,
Вѣдь съ взятокъ взятки гладки.

—

Онѣ къ намъ въ мозгъ и въ кровь впились,
Ихъ вырвать трудъ напрасный!

Мы съ ними выросли, срослись,
Въ нихъ интересъ нашъ *частный.*
Такъ что жь прогрессъ тутъ хочетъ взять?...
На смѣхъ всему народу,
Онъ, *съ позволенія сказать,*
Толчетъ лишь въ ступѣ воду!

—

Потомъ бить откупа пошли
Открыто, *спеціально;*
Народа гибель въ нихъ нашли,
Ихъ рѣзали буквально;
А не могли того понять,
Что наши милліоны
Вѣдь, *съ позволенія сказать,*
Подъ часъ для насъ законы!

—

Тягаться съ ними мудрено
Литературѣ бѣдной,
Имъ наша гласность все равно,
Какъ грошъ затертый, мѣдный,
Ее заставятъ замолчать
Учители народа.
Вѣдь, *съ позволенія сказать,*
Въ семьѣ не безъ урода!

—

Во всемъ и всюду зло карать
Пустились прогрессисты,
Портреты стали рисовать
Съ тѣхъ, кто на зло *артисты;*
Семейный бытъ пошли копать
И карандашъ, и лира,
Но, *съ позволенія сказать*,
Вѣдь — пасквиль не сатира!

—

У насъ все дружно принялось
Кричать, шумѣть на славу,
Все важно въ гласность облеклось,
Пошло на зло въ облаву,
А люди все на ту же стать,
Все тѣ же *аферисты!*
Такъ, *съ позволенія сказать*,
Мы горе-прогрессисты!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Людскія правила 7
Петербургскіе совѣты 8
Жизнь 10
Кринолинъ. 11
Примѣты 13
Женщинѣ-поэту 15
Непризнанному поэту . . . . . —
Взглядъ на пустую шутку не въ шутку . . 16
Прутикъ (повѣстушка) 17
Памяти Гоголя 22
Современная пѣсенка инвалида 26
Письма провинціала, К. Я. Голопожкина:
Письмо 1-е 27
— 2-е 33
Любовь и месть 41
Бѣда отъ кринолиновъ 43
Къ «Сыну» 45
Подражаніе Беранже 47
Неудавшаяся афера 49
Бѣсъ ошибся въ расчетѣ (сказка) 54
Надули! 56
Откупщикъ 61
Бабушкина толковня 62
Кукушка (басня) 64
Сѣроватая мелодія 66
Современная пѣсня про современныхъ букашекъ 68

Стран.

Замоскворѣцкія кумушки 75
Откупщикъ 77
Мои страданія 78
Эпиграмма 79
Эпиграмма . . . . . —
Во-время одумались 80
Замѣтка дворника о жильцѣ. 82
Уѣздная барыня (эскизъ). 84
Блаженъ ! 88
Пасынокъ. *(Изъ Крылова)* 89
Слава 91
Долой смѣхъ!... Горя давайте!... 93
Перевозчикъ. *(Посвящается Тайвани)* . . 97
Эпиграммы 100
И скучно и грустно 103
Опротивѣлъ Кавказъ! 104
Свѣтскій вѣсъ 106
Эпитафія . . . . . —
Въ альбомъ. *(В—ть А—вић К—ой)*. . . 107
Эпитафія 108
Подражаніе Пушкину . . . . . —
Изъясненіе въ любви копіиста при канцеляріи нижнедѣвицкаго исправника. (Куплеты съ дуплетами). 110
Современное движеніе литературы и общества 113
Эпитафія 115
Голосъ изъ канцеляріи. 116
Общая арлекинада. 124
Съ позволенія сказать. 127

Букинистъ В. КЛОЧКОВЪ С.П.Б. Литейный пр. 55.
LIBRAIRE V. KLOTSCHKOFF ST PETERSBOURG LITEINAJA 55.

LIBRARY OF CONGRESS
00024133102